

Виталий ЕРЁМИН

ЛЮБИМЫЙ ВОЖДЬ НАШЕГО ПЛЕМЕНИ

пьеса

Действующие лица:

БОРИС ВАЖАНОВ – 32 года,
помощник Сталина.

АЛЕНА СМОРОДИНА (АНДРЕЕВА) –
26 лет, сотрудница секретариата
Сталина.

СТАЛИН ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ – генеральный секретарь ВКП(б).

АЛЛИЛУЕВА НАДЕЖДА – супруга Сталина.

ЖБЫЧКИНА ВАЛЕНТИНА – подавальщица Сталина

ПАУКЕР КАРЛ – начальник охраны Сталина.

КАННЕР ГРИГОРИЙ – секретарь Сталина «по тёмным делам».

ТОВСТУХА ИВАН – секретарь Сталина «по полутёмным делам».

ЯГОДА ГЕНРИХ – заместитель председателя ОГПУ.

МОЛОТОВ ВЯЧЕСЛАВ – секретарь ВКП(б).

ПЕРЛ-ЖЕМЧУЖИНА ПОЛИНА – нарком рыбной промышленности, супруга Молотова.

ЛЮДВИГ ЭМИЛЬ – немецкий писатель

АСТОР НЭНСИ – английская журналистка

НЭЛЬСОН ДОНАЛЬД – американский бизнесмен

ДЭВИС ДЖОЗЕФ – американский дипломат

ШНЕЙДЕРОВИЧ – личный врач Сталина.

ЛЬВОВА НАТАЛЬЯ – ясновидящая.

Сотрудники охраны Сталина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина 1

1932-й год. Москва. Секретариат Политбюро ВКП(б). Большой зал. Много письменных столов, за которыми сидят женщины в красных косынках. В зале деловое движение. Одни сотрудницы что-то ищут в шкафах. Другие печатают на пишущих машинках. Третьи говорят по телефонам.

На стенах висят старые плакаты, посвящённые революционному Эросу. Вот призывы «Каждый комсомолец может и должен удовлетворять свои половые стремления», «Каждая комсомолка обязана идти ему навстречу, иначе она мешанка». Вот короткий рекламный стих Маяковского «Прежде чем пойти к невесте, побывай в Резинотресте». Вот агитплакат – счастливая девушка под руку с парнем в пиджаке с красным бантом, а в сторонке отставной кавалер и стишок внизу «Я теперча не твоя, я теперча Сенина, он меня в Совет водил слушать речи Ленина».

Среди сотрудниц секретариата выделяется своей яркой аристократической красотой АЛЕНА СМОРОДИНА. Она вскрывает большой конверт, вынимает фотографии, рассматривает их и меняется в лице. На снимках крайне измождённые люди, их тела похожи на скелеты. Алёна читает вложенное в конверт письмо и в панике смотрит в сторону кабинета Важанова. Важанов, который стоит у остеклённой стены-окна и смотрит, как работают его подчинённые, замечает метания Алёны и делает ей знак зайти. Алёна идёт к нему.

Картина 2

Небольшой, хорошо обставленный кабинет Важанова. Алёна входит. Важанов ждёт её у двери и сразу заключает в объятия. Алёна отстраняется.

Борис Бажанов (1900-1982)

АЛЕНА. Боря, давай как-нибудь потом.

ВАЖАНОВ. Что у тебя стряслось?

АЛЕНА (*протягивая конверт*). Вот. Только что пришло.

Важанов перебирает фотографии. Видно, что они потрясают его не меньше, чем Алёну.

ВАЖАНОВ (*читает вслух письмо*). «Мы тут уже начали поедать друг друга. Пирожки с человеческой печенью продаются открыто». Ни фига!

АЛЕНА. Письмо из Саратова.

ВАЖАНОВ. Вижу. Ещё не регистрировала?

АЛЕНА. Нет. Я ж говорю, только что пришло.

ВАЖАНОВ. И не надо регистрировать. Пока.

АЛЕНА. Как это? Ты представляешь, что со мной будет?

ВАЖАНОВ. Пока письмо у меня, ничего не будет.

АЛЕНА. Что ты задумал? Может, скажешь?

ВАЖАНОВ. Конечно, скажу. А пока сам не знаю. Это уже не первый сигнал с мест. Но впервые – такое доказательство.

Алёна нервно прохаживается по кабинету. Останавливается перед стеной-окном.

АЛЕНА (*показывая на увешанные плакатами стены*) А это что за выставка появилась? Под Петеньку моего копаете?

ВАЖАНОВ. Петенька твой неплохой парень, но... на берегу Москвы-реки, в пяти минутах от Кремля снова появился нудистский пляж. Снова пошли призывы установить кабинки любви. (*ядовито*) Туалетов в Москве наперечёт, а кабинки любви должны быть на каждом шагу. Но больше всего Сталина разозлил агитплакат «Я теперча не твоя, я теперча Сенина...»

АЛЕНА. И что теперь?

ВАЖАНОВ. Члены политбюро зайдут, полюбуются и примут решение. Думаю, пожурят твоего Петю. Все знают его заслуги перед революцией.

АЛЕНА. Петенька-то тут при чём? Вы бы лучше катехизис революционера подредактировали.

ВАЖАНОВ. Не понял. А катехизис тут при чём?

АЛЕНА. Тебе процитировать? Перед командировкой в Германию меня в срочном порядке в партию принимали. Пришлось зазубрить.

ВАЖАНОВ. Ну-ка.

АЛЕНА (*с сарказмом*). Революционер – человек обречённый. Он в глубине своего существа разорвал всякую связь со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех её побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Все изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и самой чести должны быть задавлены в нём единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега – успех революции.

ВАЖАНОВ. Холодная страсть, говоришь... Ну-ну. Ладно, это всё мелочи жизни. Что у тебя с переводом?

АЛЕНА. Закончила. Мы с национал-социалистами, конечно, антиподы. Но я не понимаю их хитростей. Взяли наше красное знамя, наш призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»...

ВАЖАНОВ. Гораздо непонятней, почему мы это скрываем. Они ведь ещё друг друга товарищами называют. А лично об авторе, камараде Гитлере, что думаешь?

АЛЕНА. Он хочет истребить тех, кто у нас в каждом кабинете. И чего он на них взъелся?

ВАЖАНОВ. (*понижив голос*) По-моему, Сталину, это как раз и нравится в товарище Гитлере. Знаешь, а мне нравится, как ты муженька своего бывшего защищаешь.

АЛЕНА. Я благодарна ему.

ВАЖАНОВ. Интересно, как ты ему объяснила, откуда три языка знаешь...

АЛЕНА. Сказала, что родители были гувернёрами.

ВАЖАНОВ. Красота ослепляет. А любовь ненасытна.

Важанов встаёт из-за стола, закрывает дверь на ключ и подходит к Алёне с явным желанием наброситься на неё. Она тоже смотрит на него распалённо. Они заходят за шкаф и предаются торопливой страсти.

АЛЕНА. Прямо в Кремле, рядом с кабинетом самого Сталина... Как это стыдно!

ВАЖАНОВ. Как это возбуждает!

Пылко отдавшись друг другу, они приводят себя в порядок. Важанов проворачивает ключ в замке двери.

ВАЖАНОВ. Сталин хочет, чтобы ты сама вручила ему перевод. Видно, слышал, какая ты красотка.

АЛЕНА. Как вести себя с ним?

ВАЖАНОВ. Товарищ Сталин любит абсолютное подчинение, но... не терпит его. Редко говорит, что нужно конкретно делать. Только даёт понять, и нужно правильно догадаться. Требуется, чтобы ему смотрели в глаза, но сам при этом только поднимает взгляд и тут же опускает. Но этот взгляд как раз и нужно выдержать, не отводить глаза. Товарищу Сталину не нравится, когда люди скрывают свои естественные слабости и недостатки. *(после короткой паузы)* То, что он поручил тебе перевод, для меня загадка. Насколько я знаю, ему уже перевели «Майн кампф». Твой перевод – это, как минимум, всего лишь предлог...

Картина 3

Коридор в Кремле. К секретариату подходят двое молодых мужчин и женщина около 40 лет. По виду иностранцы. Заглядывают.

ДЖОЗЕФ ДЭВИС. Интересно, как отбирают сюда людей. Наверно, здесь только дети пролетариев. Но эта работа требует, как минимум, грамотности.

НЭНСИ АСТОР. Не смешите меня, Дэвис. Вы всё-таки неисправимый идеалист. Бьюсь об заклад, здесь большинство – детки чекистов и самых фанатичных большевиков. Это такая большая секта. Зачем им грамотность? Им вполне достаточно преданности своей безумной идее.

Важанов и Алёна сталкиваются в коридоре с этими иностранцами. Важанов останавливается, а Алёна идёт на своё рабочее место.

ДЭВИС. О, Борис! А мы вас поджидаем. Пришли чуть раньше назначенного времени. Это Нэнси Астор. Она ...

ВАЖАНОВ. Кто же не знает мисс Астор!

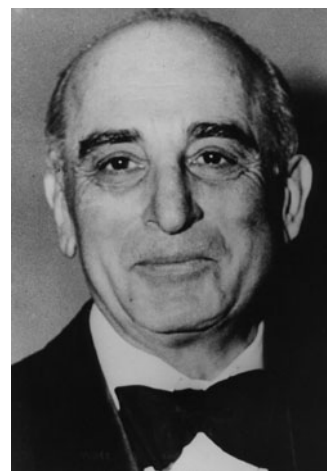
ДЭВИС. А это мистер Нэльсон. Бизнесмен.

ВАЖАНОВ *(Нэльсону)* Хотите первым открыть свой бизнес в СССР?

ДОНАЛЬД НЭЛЬСОН. Хотелось бы. Но у меня к вам конфиденциальный разговор. Три минуты, не больше.

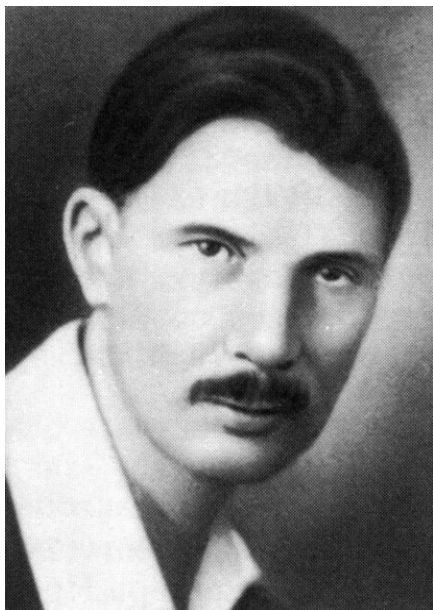
ВАЖАНОВ. Это потом, а сейчас – к товарищу Товстухе. Давайте сюда. Вот его кабинет.

Важанов и зарубежные гости входят в приёмную Товстухи.

Джозеф Дэвис (1876-1958)

ВАЖАНОВ. Иван Павлович, американцы хотят...

Товстуха И.П. (1889-1935)

ТОВСТУХА. Ясно, чего они хотят. Пора, господа янки, давно пора. Но мы дольше ждали. Так что придётся подождать.

ДЭВИС. Время – деньги, товарищ Товстуха.

ТОВСТУХА. А вот у товарища Сталина нет времени. Побеседуйте пока вот... с его помощником, товарищем Важановым. Вождь прочтёт запись беседы и, возможно, уделит вам пять минут, если сочтёт нужным. Иначе никак.

НЭНСИ АСТОР. Ну, понятно. Мы для товарища Сталина – не тот уровень.

ДЭВИС. Наш уровень – товарищ Важанов. Хорошо. Мы согласны. (*Важанову*) Назначайте время, Борис.

ВАЖАНОВ. Можно сегодня вечером.

ТОВСТУХА. (*Важанову*) Борис, звонил Паукер. Твой доклад товарищу Сталину переносится на завтра.

ВАЖАНОВ (*иностранцам*). Тогда давайте поговорим прямо сейчас.

Важанов идёт с иностранцами в свой кабинет. Алёна возвращается на своё рабочее место. Снимает трубку телефона.

АЛЕНА (*в трубку*). Важанов почему-то не дал мне зарегистрировать письмо из Саратова. (*выслушав ответ*) Хорошо, иду.

Алёна направляется к кабинету Товстухи. Входит. Садится у телефона, надевает наушники. Товстуха садится рядом.

Картина 4

Важанов и иностранцы входят в кабинет Важанова. Важанов зажигает примус, ставит на него чайник, достаёт из шкафа кусковый сахар и сушки. Садится за стол, открывает блокнот, берёт ручку.

ДЭВИС (*по-английски*). Я однажды видел близко Сталина во время какой-то демонстрации. Он стоял возле мавзолея. У него карие глаза и необычайно добрый, даже кроткий взгляд. Будь я ребёнком, я бы захотел забраться к нему на колени.

Алёна в кабинете Товстухи переводит сказанное Дэвисом.

НЭЛЬСОН (*по-английски*). Согласен. Мистер Сталин – простой парень и, кстати, очень дружелюбный. И он, похоже, человек слова и дела. С ним приятно иметь совместный бизнес. Вы не забыли о моей просьбе, мистер Важанов? (*Важанов в ответ склоняет голову*)

Алёна в кабинете Товстухи переводит сказанное Нэльсоном.

НЭНСИ АСТОР (*Важанову на ломаном русском, саркастически*). Я тоже очарована вашим вождём. Будь он американцем, он легко выиграл бы президентские выборы. А позвольте узнать, Борис, как вы стали самым первым помощником Сталина?

ВАЖАНОВ. Господа, по заведённому правилу, я буду вести запись нашей беседы и прошу вас говорить по-русски.

АЛЕНА (Товстухе). Я больше не нужна?

ТОВСТУХА. Нет, побудь на всякий случай. Вдруг они снова заговорят не по-нашему.

ВАЖАНОВ. Итак, мой ответ на вопрос мисс Астор. Я написал новую редакцию партийного устава. Показал Кагановичу. Каганович повёл меня к Молотову. Тот заинтересовался ещё больше. Пошли к Сталину. Сталин прочёл устав и тут же позвонил Ленину. Сказал, что устав партии устарел, надо менять. Ну, и завертелась работа.

НЭНСИ АСТОР *(с усмешкой)*. Как, оказывается, легко у вас проникнуть в святая святых. Нет, тут что-то не так, Борис. Вы чего-то недоговариваете.

ВАЖАНОВ. Не думаю, что выдам какой-то секрет. Просто старый устав помогал партии прийти к власти, а новый устав помогает эту власть удерживать.

НЭНСИ АСТОР. Теперь понятно – вы сработали за дьявола.

ДЭВИС *(укоризненно по-английски)*. Ну, мисс Астор...

НЭНСИ АСТОР. Ну, вот такая я невозможная. Но я вижу, мистер Важанов, не обиделся. Зачем вы это сделали, Борис?

ВАЖАНОВ. Это было в голодный тысяча девятьсот двадцать третий год...

НЭНСИ АСТОР. *(Дэвису и Нэльсону)* Как у них всё просто: проголодался – пошёл и продал душу. *(Важанову)* Тот-то, я смотрю, вы даже манерами и стилем речи похожи на своего хозяина.

Важанов делает над собой усилие, чтобы пропустить мимо ушей этот грубый выпад.

ДЭВИС. Почему ваш босс всегда побеждает?

ВАЖАНОВ. Я сам об этом думал. Видимо, тут не обходится без магии.

НЭНСИ АСТОР. Я ж говорю, у них всё просто. Магия. А откуда у мистера Сталина такая ненависть к Европе, вы можете объяснить?

ВАЖАНОВ. Это чисто бедняцкая неприязнь к сытым и богатым.

НЭНСИ АСТОР. То есть вы всегда будете ненавидеть нас?

ВАЖАНОВ. Ну, почему? Станем богатыми, может, и полюбим.

НЭНСИ АСТОР. Передайте вашему боссу, Борис. Как творец вашей новой жизни, он никогда не сделает вас богаче нас. Это невозможно. Да это и не нужно ему. Ему нужно, чтобы вы всё время боролись, всё время преодолевали трудности и происки врагов. Так вами проще манипулировать. Странно, что даже вы это не понимаете? Или вы только делаете вид, что не понимаете?

ДЭВИС. Нэнси, прекрати. На самом деле ты сама кое-чего не понимаешь. Коммунисты, действительно, магически мыслящие люди. Они живут своим

Нэнси Астор (1879-1964)

идеализированным будущим. Им нравится быть первопроходцами и героями нового строя. Для них повседневность – это борьба, которая напоминает бескровную войну...

НЭНСИ АСТОР. Ну почему же бескровную? Сколько людей они уже отправили на тот свет ради своих прекрасных идеалов? Причём, лучших людей своего времени, которые посмели пойти против них. Простите, Дэвис. Продолжайте. Я забыла, что до того, как заняться дипломатией, вы были практикующим психиатром.

ДЭВИС. Итак, мистическая идея... Мистическая власть... Значит и вождь – личность мистическая. Всё сходится.

НЭНСИ АСТОР. Скоро в Германии к власти придёт ещё один мистик-романтик. Может, лучше им посотрудничать, а нам посмотреть, что из этого получится?

НЭЛЬСОН. Нэнси, какая муха вас сегодня укусила?

НЭНСИ АСТОР. А я уже не американка. Я – гражданка Великобритании. А «англичанка всегда гадит». Так, кажется, говорят, русские.

ВАЖАНОВ. Мисс Астор! Боюсь, что ваша русофобия и стала причиной того, что товарищ Сталин не принял вашу делегацию.

НЭНСИ АСТОР (*зло*). Тогда передайте ему, что я его раскусила. Он никакой не интернационалист. Он обычный русский шовинист, только от его русского шовинизма больше всех страдают и будут ещё сильнее страдать как раз русские. Конечно, он изображает из себя интернационалиста. Вдруг получится стать вождём всемирного пролетарского государства.

ВАЖАНОВ. Господа, по-моему, вам давно пора сообщить мне о том, что вы хотели сказать товарищу Сталину, о чём спросить его.

НЭНСИ АСТОР. У меня к нему один вопрос. Я хочу сказать: господин Сталин, когда вы прекратите убивать своих людей?

ВАЖАНОВ (*Дэвису*). А вы, сэр? У вас какой вопрос?

ДЕВИС. Борис! Мы, американские демократы, считаем, что республиканцы засиделись в Белом доме. Через год мы их точно вытурим оттуда. И наш Франклин Рузвельт, став президентом, ещё через полгода возобновит с Россией дипломатические отношения. Думаю, это хорошая новость для товарища Сталина, которую я готов изложить ему более подробно.

ВАЖАНОВ. Я понял вас, мистер Дэвис. (*Нэльсону*) А вы, мистер Нэльсон? Вы настаиваете на конфиденциальном разговоре?

НЭНСИ АСТОР (*Дэвису*). Выйдем Джозеф.

Дэвис и Астор, а следом и Алёна, выходят.

НЭЛЬСОН. Мистер Важанов, я уполномочен передать мистеру Сталину информацию о судьбе царского фонда индустриализации России. Иными словами, о русских активах в швейцарских банках. Речь может идти о миллиардах в любой из западных валют. Ведь вам крайне нужны деньги для вашей индустриализации, не так ли? Вот письмо с предложением посредничества. (*подаёт красивый конверт*) Как видите, я уложился в одну минуту и вторая минута едва ли потребуется. Хотя... Ещё десять секунд. Чуть не забыл: независимо от реакции Сталина, вам гарантируется поддержка, всемерная и всесторонняя, поскольку вы отныне посвящены в секрет мировой важности. Если вам будет грозить опасность, сообщите вот по этому телефону или по этому адресу. Но если вы вдруг исчезнете, не успев предупредить, наши люди немедленноотреагируют на дипломатическом уровне.

Важанов дописывает сказанное Нэльсоном. Нэльсон протягивает Важанову что-то вроде визитки. Важанов кладёт в карман.

ВАЖАНОВ. Этак вы превращаете меня в своего агента.

НЭЛЬСОН. Агент работает против интересов своего государства. О вас, я уверен, это никак нельзя сказать. Я не ошибаюсь?

Товстуха в своём кабинете силится понять, что могут означать последние слова американца.

ТОВСТУХА. Я не слышу ответа Бориса.

АЛЕНА. Я тоже.

Картина 5

Дача Сталина в Зубалово. Ночь. Где-то далеко лает собака. Но обитатели дачи безмятежно спят. Свет горит только в одном окне. Это кабинет Сталина. Вождь что-то пишет. Встаёт, ходит по комнате, посасывая трубку, и снова садится, чтобы что-то написать. Его знобит, он обматывает шею шарфом. Ему мешает сосредоточиться лай собаки. Он крутит ручку патефона и ставит пластинку с его недавним выступлением.

ГОЛОС СТАЛИНА. Товарищи! Слишком много говорят у нас о заслугах вождей. Им приписывают почти все наши достижения. Это, конечно, неверно и неправильно. Я вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке (*появляется крупное изображение выступающего Сталина, голос его усиливается*). Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесённый разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, равнодушно ответили, что тридцатый «остался там». На мой вопрос: «как же так остался?» с тем же равнодушием ответили: «чего ж там ещё спрашивать, утонул, стало быть. И тут же один стал торопиться, заявив, что «надо бы пойти кобылу напоить». На мой упрёк, что они скотину жалеют больше, чем людей, он ответил при общем одобрении остальных: «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сделать можем. А вот кобылу ... попробуй-ка сделать кобылу».

Оживление в зале. Угодливый смех.

СТАЛИН. Так вот, товарищи, если мы хотим изжить с успехом голод в области людей (*дословное воспроизведение фрагмента речи Сталина, В.Е.*) и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперёд технику и пустить её в действие, — мы должны, прежде всего, научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Кадры решают всё.

Бурные аплодисменты, выкрик «Да здравствует любимый Сталин!» Лицо Сталина искажает гримаса — не нравится ему этот выкрик. Нервным движением он закрывает крышку патефона. Лай собаки усиливается.

СТАЛИН. Паукер! (*открыв дверь*) Паукер, едри твою мать!

Появляется Паукер, поправляющий на себе мундир.

СТАЛИН. Ты слышишь?

ПАУКЕР. Слышу отлично, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Почему не принимаешь меры? Чья это собака?

ПАУКЕР. Яковлева.

СТАЛИН. Яковлева? Кто такой?

ПАУКЕР. Нарком земледелия. Отец у него – старый, ослепший большевик. Это собака-поводырь, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Знаем мы этих заграничников, теоретиков, старых большевичков. Сидели годами в Парижах и Женевах, перемывали косточки царской власти и Ленину, а нестарые большевики в это время околевали в ссылках и добывали денежки им на пиво и кофе. Почему я должен терпеть этот лай, Паукер?

ПАУКЕР. Понял. Будет исполнено, товарищ Сталин.

Паукер исчезает. Сталин пытается работать, но мысль не идёт. Ложится на тахту, но и заснуть не получается. Наконец, доносится звук выстрела. Сталин наливает себе бокал вина и выпивает. Ложится на тахту, не снимая сапог и укрывшись шинелью. Входит на цыпочках Паукер. Он смешон в каждом своём движении.

Паукер К.В. (1893-1937)

Осторожными движениями снимает с ног Сталина сапоги.

СТАЛИН (не зло.) Мудак!

ПАУКЕР (вытягиваясь). Так точно, мудак, ваше велич... товарищ Сталин.

СТАЛИН. Ты кого играл в театре? Королевского слугу? Эка в тебя вьелось. Что глаза-то бегают? Хочешь что-то сказать, а не решаешься. Давай уж, рожай.

ПАУКЕР. Собственно, ничего особенного. Просто, будучи в Ленинграде у родителей, Надежда Сергеевна освятила в церкви кулич.

СТАЛИН. Молилась при этом?

ПАУКЕР. Извините, не уточнил.

СТАЛИН. Хреново нацеливаешь агентуру. Агенты не знают, на что обращать внимание. Кому я доверяю себя... Ну, а что после Ленинграда?

ПАУКЕР. Вы имеете в виду поездку Надежды Сергеевны в Германию? Там дело похуже.

СТАЛИН. Говори.

ПАУКЕР. Надежда Сергеевна вернулась из Германии с дамским браунингом. Кажется, ей подарил брат Павел, сотрудник торгпредства. Надежда Сергеевна хранит оружие под матрацем. Я заменил патроны на холостые. По совокупности соображений, для вас угрозы нет, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Много на себя берёшь, Паукер. Это я должен соображать, а не ты.

ПАУКЕР. Изъять браунинг?

СТАЛИН. Верни боевые патроны в обойму. Вдруг на Надежду Сергеевну кто-нибудь нападёт. Как же она будет защищаться? Уйди.

Паукер идёт к двери.

СТАЛИН. А ты почему в тапочках?

ПАУКЕР. Так ведь... боюсь вас разбудить, когда хожу по коридору.

СТАЛИН. Ходи в сапогах, которые скрипят. И остальным вели – никаких тапочек, только скрипящие сапоги.

ПАУКЕР. Слушаюсь, товарищ Сталин.

Паукер выходит на носках, но сапоги всё равно скрипят. Сталин, наконец, засыпает. Зритель может услышать его посапывание и лёгкий храп.

Картина 6

Дача Сталина в Зубалово. Балкон на втором этаже дачи. Утро. Слышен звон пилы и стук топора. Сталин сидит на веранде, просматривает свежие газеты. Надежда подходит на цыпочках. В руке у неё открытка. Заглядывает через голову мужа в газету.

СТАЛИН. Татка, ты меня пугаешь. Я когда читаю, ничего не слышу. Вот, послушай, что Горький пишет: *нос у него вздрогнул*. Ты когда-нибудь видела, чтобы у кого-то вздрогнул нос?

НАДЕЖДА. Это чей нос?

СТАЛИН. Сразу видно, что не читала очерк Горького «Владимир Ильич Ленин» . Ленина нос, Татка. А вот тут точно сказано. «Велик, недоступен и *страшен* кажется Ленин даже в смерти». И вот здесь точно, где Горький приводит слова Ленина о себе: «Мало я знаю Россию. Саратов, Казань, Петербург – ссылка и – почти всё». Не почти, а всё.

НАДЕЖДА. Как же мне нравится вид отсюда, со второго этажа. Только вот...

СТАЛИН. Что только? Что опять не так?

НАДЕЖДА. Вот нашла твою давнюю открытку. (*читает*) «Здесь природа скудна до безобразия, и я до жути истосковался по видам природы, хотя бы на бумаге». Помнишь, ты писал мне это из Курейки, и я послала тебе открытку с видами Грузии?

СТАЛИН. И что?

НАДЕЖДА. Теперь по твоему повелению природу, которой тебе так не хватало в Курейке, вокруг нашей дачи вырубают.

СТАЛИН. Хочешь попасть в прицел снайпера? Или для тебя природа важнее жизни?

НАДЕЖДА. А ещё... Раньше, когда ты был революционером, ты носил шляпу, костюм, туфли. Это тебе так шло. А теперь эта шинель до пят, френч, сапоги... трубка. Зачем тебе такая длинная шинель?

СТАЛИН. У Паукера спроси. Он считает, что в длинной шинели я смотрюсь выше. Стельки мне утолстил. Беспокоится человек, как я выгляжу в глазах врагов. Считает это важным делом.

НАДЕЖДА. Почему только в глазах врагов?

СТАЛИН. Паукер так считает. Что я могу поделывать?

НАДЕЖДА. Ты-то сам так не считаешь?

СТАЛИН. Что я, пугало какое? Хотя без страха тоже нельзя. Политика – это кто кого больше или меньше боится.

НАДЕЖДА. Ну, да как же без страха. (*осматривает одежду мужа*) Обшлага у френча и шинели обремкались. Хотела починить, не нашла ни иголки, ни ниток.

СТАЛИН. Скажи Паукеру – он распорядится, починят. Занимайся детьми, Татка.

НАДЕЖДА. Занимаюсь.

СТАЛИН. Ни хрена ты не занимаешься.

НАДЕЖДА. Снова болят зубы?

СТАЛИН. Причём тут зубы?

НАДЕЖДА. Дантист Шапиро обточил тебе вчера сразу восемь зубов. Сегодня будет ставить коронки.

СТАЛИН. Откуда такие сведения?

НАДЕЖДА. Что за страсть делать секрет из всякой мелочи?

СТАЛИН. Зубы – не мелочь. Здоровье вождей – совсем не мелочь, Татка.

Входит Паукер. В руках поднос с мыльницей, щёткой и опасной бритвой. На плече полотенце.

НАДЕЖДА (*сухо.*) Карл Викторович, дайте нам договорить.

Паукер ставит поднос на стол и скрывается за дверью.

СТАЛИН. Ну, что у тебя ещё?

НАДЕЖДА. Иосиф, я нашла хорошего ритора-логопеда.

СТАЛИН. Это ещё зачем? У детей нет проблем с речью.

НАДЕЖДА. Для тебя, Иосиф. Мне надоело читать в зарубежной прессе, что у тебя невнятная речь. Но это дело поправимое. Несколько занятий и буржуи перестанут тебя третировать.

СТАЛИН (*наливаясь злостью*). Ты всё-таки дура, Татка. Причём, дура конченная. Плевал я, что обо мне пишут на Западе. Чем больше меня третируют, тем больше это выглядит, как клевета. Иди к детям.

Надежда удаляется. Вошедший Паукер намыливает щёки Сталину и начинает бритьё.

СТАЛИН. Какого чёрта срубили все деревья перед домом?

ПАУКЕР. Так ведь вы сами...

СТАЛИН. Мало ли что я... Заставь дурака богу молиться... Верни хотя бы несколько деревьев.

ПАУКЕР. Слушаюсь. Будут ещё какие-то пожелания?

СТАЛИН. Найди мне другого брадобрея.

ПАУКЕР (*в страшной обиде*). Товарищ Сталин...

СТАЛИН. Слушай, ты меня порезал.

ПАУКЕР. Так ведь вы такое сказали. Рука дрогнула. Чем я не угодил?

СТАЛИН. К тебе претензий нет. Но ты не должен отвлекаться от непосредственной работы. Найди бабу, которая умеет гладко брить. И ещё... От еды из кремлёвской столовки мы отказались. Значит, требуется свой повар. Вот я и думаю: а почему не совместить функции повара, подавальщицы и парикмахера?

ПАУКЕР. Какого возраста требуется совместитель...ница?

СТАЛИН. Мы можем относительно доверять только тем, кто родился после Великой Октябрьской революции. (*после паузы*) Теперь слушай внимательно. Открепи от Надежды Сергеевна шофёра. Пусть водит сама и сама платит за бензин. Подыщи ей старенький форд, подкрась его. Она и этому подарку будет довольна.

ПАУКЕР. А может, всё-таки новый?

СТАЛИН. Ни в коем случае! Слушай, а ведь вчера ты чего-то недоговорил о Надежде. Ну-ка, выкладывай.

ПАУКЕР. Надежда Сергеевна попала под чистку рядов. У неё отобрали партбилет. Впереди комиссия.

СТАЛИН. Если комиссия узнает, что она ходит в церковь, её тем более не восстановят в партии. Может, она как раз этого и хочет?

ПАУКЕР. И ещё. Сторонники Рютина дали Надежде Сергеевне прочесть манифест против вас. Она принесла его домой. Хранит в тумбочке. Изъять?

СТАЛИН. Зачем? Пусть читает. Не то говорит? Пусть говорит. Иначе как узнать, что у человека в голове?

ПАУКЕР. С однокурсниками, который побывали летом в Поволжье, обсуждала проблемы с продовольственным снабжением.

СТАЛИН. Этим Ягода уже занимается. Смывай мыло. Что у нас дальше?

ПАУКЕР. Шнейдерович уже здесь, товарищ Сталин.

Впускает лечащего врача Шнейдеровича.

СТАЛИН (*врачу*). Сегодня я снова бегал ночью. Когда вы это прекратите? Может, у вас есть задание тихонько уморить меня?

ШНЕЙДЕРОВИЧ. Товарищ Сталин, вы же знаете – у вас уже лет пять как неладно с желудком и кишечником. Вам нужно совсем прекратить пить спиртное, заедая солёной рыбой.

СТАЛИН. Какая хрень! Муссолини совсем не пьёт спиртного и не ест солёную рыбу, но у него желудочные колики и кровавая рвота. Ну, эскулапы хреновы! Давай, давай, свои таблетки и убирайся к едрёней матери!

Картина 7

Дача Сталина. Столовая. Семья Сталиных обедает. Вася шалит со Светланой. Бросает в неё хлебные шарики.

НАДЕЖДА. Васо, прекрати бросаться хлебом! Это безобразие.

ВАСЯ. Папка бросается – почему мне нельзя? Мама, а правда, что наш папка раньше был грузином? (*сестре, строя страшную рожицу*) Светка, грузины ходили в черкесках и резали всех кинжалами.

НАДЕЖДА. Папа грузин, только он никого не резал. Ешь молча. Когда я ем, я глух и нем.

ВАСЯ. Мама, мы в школе пишем: мы не рабы, рабы не мы. Как правильно писать слово «не мы»? Слитно или раздельно? Это рабы немые или мы – не рабы?

СТАЛИН (*входя в столовую*). Надо же, какие вопросы! А с виду такой дундук.

НАДЕЖДА. Значит, я тоже дундук. Я тоже не понимаю, как правильно писать «не мы». Поэтому и объяснить ребёнку не могу. Объясни, если знаешь.

Сталин набирает в рот дым из трубки и пускает в глаза сыну. Вася плачет. Сталин смеётся.

НАДЕЖДА. Ну и шуточки у тебя, Коба...

СТАЛИН. Это у тебя, Татка, последнее время что-то с чувством юмора...Как у Ленина.

Сталин наливает бокал вина, ставит перед Васей.

СТАЛИН. Пей, Васо. Пей сынок.

НАДЕЖДА. Иосиф, ну это уже слишком. Ты его алкоголиком сделаешь.

СТАЛИН. Пусть привыкает. Всё-таки он наполовину грузин. А дети у нас привыкают пить вино с детства.

В дверях появляется Важанов. Не решается пройти в комнату. Деликатно кашляет.

СТАЛИН. А, товарищ Важанов! Что там у вас? В Германии разразилась антифашистская революция? Загнулся от цирроза печени Пилсудский? Кого-то шлёпнули? Нет? Тогда все другие новости – не новости. Садитесь, товарищ Важанов. Когда происходит что-то хорошее, нужно выпить бокал хорошего вина. Когда ничего не происходит, тоже нужно выпить бокал вина.

ВАЖАНОВ. Вы же знаете, товарищ Сталин, я не пью и никогда не пил.

СТАЛИН. Чем существенно усложняете наши и без того непростые отношения. Это же кахетинское, моё любимое. Доверьтесь моему вкусу, товарищ Важанов.

ВАЖАНОВ. Не могу, товарищ Сталин. Я как выпью, так голова болит.

СТАЛИН. Кто меня окружает... У Надежды такая же канитель.

НАДЕЖДА (*Важанову*). Позавтракаете с нами, Борис?

ВАЖАНОВ. Нет-нет! Я только что из кремлёвской столовой.

СТАЛИН. Врёте. Ну да ладно. Что-то срочное, Важанов?

ВАЖАНОВ. Завтра политбюро. Хотел показать проекты ваших решений. И ещё...

СТАЛИН. Ох, Татка, мне иногда кажется, что Важанов читает мои мысли.

НАДЕЖДА. Твои мысли?! Это невозможно.

СТАЛИН. У меня только два по-настоящему ценных сотрудника: Важанов и Молотов. Но Молотов сегодня уехал. И он... слишком свой. А рядом надо держать ещё и чужого. Ведь вы же чужой, товарищ Важанов. Точнее, отчасти свой и отчасти чужой. Ладно, давайте ваши решения от моего имени.

Важанов кладёт папку перед Сталиным.

СТАЛИН (*просматривая бумаги*). Товарищ Важанов, вам уже который раз предлагают квартиру в Кремле. Почему вы так упорно отказываетесь? Неужели в общежитии лучше?

ВАЖАНОВ. Товарищ Сталин, жить в Кремле... это ведь...как жить в аквариуме.

СТАЛИН. А как я живу? Ну, занимайте дачу Маяковского. До сих пор свободна. Все боятся его духа, который якобы бродит там по ночам. Но вы не робкого десятка.

ВАЖАНОВ. Нет, я так не могу. Мне вообще не нужна дача. Я хочу заниматься научной работой.

СТАЛИН. Ах, вот в чём дело! Вам надоело работать со мной? Вы устали от меня? Вы устали быть частью меня? Но это – дезертирство, Важанов!

НАДЕЖДА. Иосиф, мне пора. Чуть не забыла. Сегодня «Большой» даёт «Аиду». Я купила билеты.

СТАЛИН. Купила? Это не ко мне. Это к Паукеру. Кто из нас настоящий театрал? Паукер.

НАДЕЖДА. То есть мы никогда уже никуда не ходим, как все люди, не побудем среди народа? Только в особой ложе, под присмотром Паукера и его головорезов?

СТАЛИН. Эй, Татка, выбирай слова. «Аида» мне нравится. Там такой триумфальный марш победителей. *(напевает этот марш)* Конечно, ходим, Татка, но только вместе с Паукером. Он наш начальник.

НАДЕЖДА. Тогда скажи своему начальнику, что ты должен бывать не только в особой ложе в театре, но и на заводах и фабриках, в больницах и школах, в тюрьмах, наконец. Неужели тебе не интересно сравнить, как ты сидел, и как теперь сидят, при твоей власти. Кстати, ты так и не прочёл роман Вересаева «В тупике».

СТАЛИН. Политически вредное название.

НАДЕЖДА. Там сравнивается отношение к политическим заключённым. Как было при царе, и как сейчас.

СТАЛИН. Не надо мне рассказывать. Прочёл. И даже негласно разрешил издать. *(Важанову)*. Видите, товарищ Важанов, какой оппозицией я окружён в личной жизни? А вы не хотите составить нам компанию – сходить на «Аиду»? Приведите вашу девушку на «Аиду», познакомьте меня с ней.

ВАЖАНОВ. Нет у меня девушки, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Странно. Не пьёте. Девушки нет... Как я могу вам доверять? А что у вас с той переводчицей, которую вы рекомендовали?

ВАЖАНОВ. Алёна? Она выполнила ваше поручение товарищ Сталин. Вот её перевод.

Важанов кладёт на стол перед Сталиным папку с переводом «Майн кампф».

ВАЖАНОВ. Вы велели её привести, товарищ Сталин. Я её привёз на всякий случай.

СТАЛИН. Пусть войдёт.

Паукер впускает Алёну. Девушка входит робко, глядя на Сталина с деланным страхом.

СТАЛИН. Алёна помогите мне понять товарища Важанова. Почему он не считает вас своей девушкой?

НАДЕЖДА *(укоризненно)*. Иосиф!

СТАЛИН. Паукер, отправь Надежду Сергеевну.

Надежда и Паукер выходят.

СТАЛИН *(Алёне)*. Я не хотел говорить при Надежде. Я тоже однажды отбил девушку у своего товарища. У Молотова. Вы ведь ушли от вождя комсомола Смородина? Всё почестному? Ну, так чего стесняться? Чего скрывать? *(после паузы)* Вы бегло говорите по-немецки?

АЛЕНА. После командировки в тысяча девятьсот двадцать третьем, можно сказать, свободно владею.

СТАЛИН *(смачно шутливо)*. Насобачилась?

АЛЕНА *(в тон)*. Насобачилась.

СТАЛИН. Я слышал, и французский знаете?

АЛЕНА. Лучше, чем немецкий. Но английский хуже. Он не в моде.

СТАЛИН. Не обижает вас, товарищ Важанов? Если обидит... обращайтесь... я с ним поговорю. А перевод ваш сравню с другим. Позвоню вам. Ладно, ещё встретимся на «Аиде». Паукер! *(Паукер возникает в дверях почти мгновенно)*. Молодые люди идут с нами на «Аиду».

ПАУКЕР. Будет исполнено, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Что у меня дальше?

ПАУКЕР. Осмотр эскизов ваших скульптур. Вучетич уже здесь.

Паукер скрывается за дверью и тут же снова появляется с гипсовым эскизом скульптуры Сталина. Следом возникает Вучетич с другим гипсовым эскизом. Сталин рассматривает свои изображения.

СТАЛИН. Слушайте, Вучетич, а вам не надоел этот, с усами? *(Вучетич не может вымолвить ни слова)* А мне надоел. Уберите, а то расколочу. Всё, Паукер! Едем в Кремль. Важанов, вы как-то странно на меня посматриваете...

ВАЖАНОВ. Товарищ Сталин, я должен передать вам крайне странное письмо. Вот.

Важанов протягивает конверт. Сталин берёт. Вскрывает. Читает. Не может скрыть удивления.

СТАЛИН. А что? С Рузвельтом мы можем поладить. Евреи Америки сочувствуют нам. Обсудим это вечером на даче. *(после паузы довольно зловеще)* А больше вам ничего мне показать?

ВАЖАНОВ *(после некоторой паузы, по-военному)*. Никак нет, товарищ Сталин.

Картина 8

Москва, Кремль. Левое крыло Потешного дворца. Коридор на втором этаже, где раньше жила прислуга, а теперь обитают члены Политбюро. Надежда входит в свою кремлёвскую квартиру. Из своей квартиры, что рядом, выходит жена Молотова Полина Жемчужина со свёртком в руках.

ЖЕМЧУЖИНА. Доброе утро. Надюша.

НАДЕЖДА. Доброе утро, соседushка. Что это от тебя копчёной рыбой пахнет?

ЖЕМЧУЖИНА. *(протягивая свёрток)* Как хорошо, что я тебя встретила. Вот, передай Иосифу. Его любимая таранка. Из Азова прислали. Пусть полакомится.

НАДЕЖДА. Да нельзя ему таранку! Он в своё время её переел. У него сейчас новое увлечение – селёдка «габельбиссен» немецкого посла. От неё, наверное, и мучается. *(всматривается в лицо Полине)* У тебя-то всё ладно?

ЖЕМЧУЖИНА. *(убитым тоном)* Сегодня Слава в отпуск поехал, а Иосиф его не проводил. Хотя всегда провожал.

НАДЕЖДА. Ему ночью собака спать мешала. Вот он и поздно встал.

Жемчужина П.С. (1897-1970)

ЖЕМЧУЖИНА. Правда? Ой, у меня от сердца отлегло. Сейчас отправлю Славе телеграмму. Он тоже, наверное, места себе не находит. Какая же ты счастливая, Надюша.

НАДЕЖДА. Ага, счастливая... Отобрали партбилет, вызывают на комиссию. Сидят старые большевики. Ну, как водится, первый вопрос про стаж. Ну что, буду я им рассказывать, как Ленину постель стелила, а потом у окна стояла, караулила? Но особенно старикам не понравилось, что у меня мало общественных нагрузок. Ну что мне, рассказывать, что Сталин велит только детьми заниматься?

ЖЕМЧУЖИНА. И про царицынский фронт ничего не сказала? Мама дорогая, это ж такое пекло было! Мне до сих пор стыдно: я-то клубом заведовала, за десятки километров от передовой. Так неужели, тебя вычистили?

НАДЕЖДА. Представь, не вернули партбилет.

ЖЕМЧУЖИН. Кошмар! Хочешь, я это поправлю? Надо просто подсказать председателю комиссии, чья ты жена.

НАДЕЖДА. Паукер уже вмешался.

ЖЕМЧУЖИНА. Паукер – хороший мужик. Детки твои его любят.

НАДЕЖДА. Ну, как клоуна не любить.

ЖЕМЧУЖИНА. Да, очень смешной. Даже не верится, что когда-то воевал. И совсем не похож на идейного коммуниста. А ты что невесёлая?

НАДЕЖДА. Раньше жила как в скорлупе, а теперь знаю, что в стране происходит. Чему радоваться?

ЖЕМЧУЖИНА. Ну, у нас положение лучше, чем в Европе и в Америке. Там жуткий кризис, а у нас рост, правда, небольшой, но скоро так рванём – дух захватит.

НАДЕЖДА. О чём ты, Поля? Шерстяных тканей производим полметра на душу. Женщины даже зимние платья шьют из ситца. Сотрудники наркоматов лампочки домой уносят – боятся, что ночью украдут. Основная еда у людей – ржаной хлеб да картошка. Махорки только вдоволь.

ЖЕМЧУЖИНА. Зря ты, Надюша, так смотришь на жизнь... У других не такое было. Вспомни судьбу Софьи Толстой. После первой брачной ночи она прочла в лёвушкином дневнике его впечатление о ней: «Не то». Представляешь, каково жить с мужчиной, который сказал о тебе, что ты «не то»?

НАДЕЖДА. Это ты к чему?

ЖЕМЧУЖИНА. Так ведь тебя-то Иосиф как любит! А потом Софья рожала по ребёнку в год и всех кормила своей грудью – Толстой не разрешал заводить кормилиц... Бывали, Надюша, у жён великих судьбы тяжелей. Что делать, любят мужа повелевать.

НАДЕЖДА. Ты тоже считаешь Иосифа великим?

ЖЕМЧУЖИНА. А как же? Я Сталина люблю.

НАДЕЖДА. Ах, Полечка. Ты любишь вождя Сталина, а вождь Сталин...

ЖЕМЧУЖИНА. Тебя?

НАДЕЖДА. Твою таранку. *(смеются)* О, господи! И смех и грех. Раньше-то вожди были только у диких племён. И вдруг... *(заходится в нервном смехе)* и вдруг... и вдруг эти вожди у нас... и ещё мавзолеей... главный вождь лежит, а другие вожди стоят на нём... Ну, почему? Почему? Почему?

ЖЕМЧУЖИНА *(с гримасой ужаса)*. Надюша, тебе надо показаться докторам.

НАДЕЖДА. Иди, Полечка, отбивай телеграмму своему Славику. Всё не так плохо. Куда же верховный вождь без Славы Молотова?

Надежда уходит.

ЖЕМЧУЖИНА. Боже...

Непроизвольно делает движение рукой, как бы осеняя себя крестным знаменем. Из соседней двери появляется Паукер.

ЖЕМЧУЖИНА. Ну, вот, ты всё слышал.

ПАУКЕР. Молодец, товарищ Жемчужина. Хорошо работаешь. Надоела тебе, наверное, рыба. Не женское это дело. Потерпи ещё немного. Скоро доверим тебе парфюмерию в стране.

Картина 9

Москва. Кремль. Комната для совещаний рядом с кабинетом Сталина. За длинным столом два молодых человека, Каннер и Важанов. Входит Сталин.

СТАЛИН. Ну что, молодёжь, чего новенького в почте?

КАННЕР. Писатель Крымов, сбежавший в 17-м, пишет вам из Германии. «Русская революция сделала уже колоссально много. Но эксперимент затягивается, нужны какие-нибудь реальные результаты...» Даёт советы, как управлять Россией. «Прежде всего, армия... Все должны знать о ней *преувеличенное*. Чем больше всяких военных демонстраций, тем лучше... И ещё: побольше музыки, бодрых песен, смешных и героических фильмов». Писатель этот Крымов никудышный и советчик тоже не ахти.

СТАЛИН. *(сдерживая раздражение)*. Товарищ Каннер, вы можете просто дочитать до конца?

КАННЕР. «Не нужно лжи, но нужны две правды, и о большей умолчать на время и тем заставить верить в меньшую, а когда понадобится, малая отступит перед большой». Это как-то совсем мудрёно. Лично я не понял.

СТАЛИН. Положите это письмо в папку для повторного прочтения. Вот ведь как! Был Крымов врагом, но пожил в Европе и превратился в сочувствующего. Стил, действительно, корявый, но некоторые мысли здравые. Мне только непонятно, почему он ни слова не написал про омоложение крови партии – её кадров. Ведь кровь – это дух. Чьи слова?

КАННЕР. Ницше, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Почему в моей библиотеке только дореволюционное издание Ницше? Мы его не издаём, что ли?

КАННЕР. Крупская включила Ницше в перечень книг, вредных для детей и молодёжи. Вместе с Кантом, Шопенгуэром, Платоном, Достоевским и сказкой «Аленький цветочек».

СТАЛИН. Совсем из ума выжила старая ведьма. Ну, ладно Достоевский, я сам не вижу от него пользы, но сказки-то зачем?

КАННЕР. Минпрос считает, что в сказках много мистики.

СТАЛИН. Какова попадья, таков и приход. А что ещё есть остренького?

Каннер и Важанов молча переглядываются.

СТАЛИН. Не разочаровывайте меня, ребята. Большевизм в своё время начинался с молодых людей. Мы не боялись резать друг другу правду-матку в глаза. Ну,

выкладывайте, что там у вас в заглазнике? Хотя... погодите. Сначала я выложу. Это что ещё за новый выкрик какого-то дурака: «Да здравствует любимый Сталин!»? Ты у нас отвечаешь за клас, товарищ Каннер. Это твоё новшество?

Каннер в замешательстве.

СТАЛИН. Любимый Сталин – это перебор, товарищ Каннер. Ты отлично знаешь, что мне вполне достаточно, когда меня называют товарищем. Не надо так усердствовать. Когда кого-то не в меру превозносят, это воспринимается, как насмешка. Ты хочешь, чтобы надо мной смеялись, товарищ Каннер? И ещё. Сколько минут по твоим нормативам скандирует клас?

КАННЕР. Когда речь заканчивает член цэка – две минуты. Когда член политбюро – пять минут. Когда вы, товарищ Сталин – десять минут.

СТАЛИН. Эх, не жалко тебе людского времени. Установи предельную норму в пять минут. Ладно, продолжай, что ещё новенького?

Каннер явно боится сказать.

ВАЖАНОВ. Вы вот не любите Достоевского, товарищ Сталин, а он был бы на нашей стороне. Он, например, писал, что счастье не в самом счастье, а в его достижении. Или вот: страданием своим русский народ как бы наслаждается.

СТАЛИН. Достоевский написал: «как бы», или вы не улавливаете? Тонкая игра писательского ума. В политике всё проще и грубее. А вы невысокого мнения о русском народе, товарищ Важанов. Ну и хитрец – специально затягивает доклад. Боитесь сказать какую-то новость?

ВАЖАНОВ (*решается*). В Горьковском пединституте раскрыта организация студентов-террористов. Планировали покушение на вас, товарищ Сталин, во время первомайской демонстрации. Готовили плакаты.

Важанов теребит в руках фотографии плакатов, не решаясь показать. Сталин выхватывает у него их. Рассматривает.

СТАЛИН (*читает*). «Долой мучителя и убийцу народа! Каждый честный человек должен прикончить «чудесного грузина»! Его существование подрывает веру в социализм».

Сталин чёрной тучей выходит из комнаты.

Картина 10

Кабинет Сталина. Сталин сидит за своим столом. В руках у него телефонная трубка. Но он ни с кем не разговаривает. Он подслушивает разговор своих сподвижников, членов политбюро Зиновьева и Каменева. Слышит и зритель.

ГОЛОС (*это Зиновьев*). Коба всегда был большим мастером чисток. Не случайно Ильич поставил его во главе рабкрин и оргбюро. Я задницей чую, он готовит нечто... И Ильич чуял. Помнишь его слова? Этот повар будет готовить только острые блюда.

ДРУГОЙ ГОЛОС (*это Каменев*). Не поднимется у него рука на нас. Он вообще очень неуверенный в себе человек. Его решительность, категоричность – всего лишь маска. Он ни на минуту не забывает, что он нерусский.

ГОЛОС (*Зиновьев*). Позволим расправиться с Рютиным – потом и с нами расправится. Рютина нельзя сдавать ни в коем случае. Старый революционер, совесть партии.

ДРУГОЙ ГОЛОС (*Каменев*). Вот Кобе и надо, чтобы мы растоптали эту совесть. Продавит он нас. Политбюро всегда право, но Сталин всегда правее. Их, слушают, наверно, нас сейчас. Даже Молотов прослушку у себя обнаружил.

Стук в дверь. Сталин поспешно прячет трубку в ящике стола. Входит Товстуха.

ТОВСТУХА. Разрешите, товарищ Сталин?

СТАЛИН (*едва сдерживая раздражение*). Знаешь, Иван Павлович... В детстве у меня был приятель – козёл, очень на тебя похожий. Только он не носил пенсне. Когда я смотрю на тебя, то думаю: это, очевидно, хороший человек, ему можно довериться, с ним можно работать, ведь недаром он так похож на моего приятеля детства.

Лицо Товстухи расплывается в угодливой улыбке...

СТАЛИН. А ещё я думаю: ну, почему меня окружают люди с такими фамилиями? Паукер, Ягода, Каннер, Товстуха? Не можешь объяснить? Ладно, что говорят графологи?

ТОВСТУХА. По одной или нескольким линиям, то есть по самому густому зачёркиванию, почерк человека определить практически невозможно.

СТАЛИН. Говённые у тебя графологи, Иван Петрович.

ТОВСТУХА. Товарищ Сталин, но может быть другое решение. Участник съезда при голосовании может вычеркнуть кого угодно, но должен при этом вписать вместо вычеркнутой фамилии ту кандидатуру, которую предлагает он. И тогда по его почерку...

СТАЛИН (*перебивает*). Не надо мне разжёвывать, товарищ Товстуха. Сам придумал или Каннер подсказал?

ТОВСТУХА. Обижаете, товарищ Сталин. Каннер работает над другими идеями.

СТАЛИН. Если придумал ты, то я в тебе не ошибся, товарищ Товстуха. Теперь мы выявим всех скрытых врагов социалистической демократии. Иди и так же продуктивно работай. Там Ягода должен быть в приёмной. Скажи ему, пусть входит.

Товстуха удаляется, возникает Ягода. По жесту Сталина садится за приставной стол. Сталин принимается расхаживать по кабинету.

СТАЛИН. В чём, товарищ Ягода, самое своеобразие текущего момента? Мы непоправимо теряем Германию. Для немецких рабочих интересы своей нации оказываются ближе идеи пролетарского интернационализма. Об этом политически вредно заявлять открыто, но наши советские люди и без нас уже понимают, что ждёт нас всех впереди. А вы понимаете, товарищ Ягода?

ЯГОДА. Национал-социализм рано или поздно начнёт войну против нашего интернационального социализма.

СТАЛИН. А коли так, то какова наша главная задача?

ЯГОДА. Подготовиться и достойно встретить врага.

СТАЛИН. Я не буду спрашивать вас, в чём состоит наша подготовка в смысле военном. Мне интересно знать, понимаете ли вы, в чём должна заключаться наша морально-психологическая подготовка. (*Ягода напряжённо думает*) Эх, как же туго вы соображаете. Или вы пытаетесь понять, что я хочу от вас услышать? Ладно, пусть будет так. И чего я хочу?

ЯГОДА. Вы хотите избавиться от своих врагов, товарищ Сталин.

Ягода Г.Г. (1891-1938)

СТАЛИН. *(с гримасой досады)*. Не от своих, товарищ Ягода. Это неверная постановка вопроса. А от врагов партии и государства, которые, конечно, и мои враги. Наши с вами, товарищ Ягода, враги. Но здесь я опять-таки хочу узнать ваше мнение: в чём своеобразие борьбы с этими врагами? Если допустить, что человек может изменить нашему делу, нашей стране... Если на это подозрение наводят какие-то его поступки или высказывания... Надо ли в этом случае ждать, когда такой человек открыто выступит против нас и причинит непоправимый вред?

ЯГОДА. Очень правильная логика, товарищ Сталин. Лучше опередить его действия.

СТАЛИН. И у вас хватит характера проводить эту линию? Смотрите мне в глаза.

ЯГОДА. Так точно, товарищ Сталин, проведём со всей *(от волнения язык у него заплетается)* непоколебимой большевистской прямоотой и беспощадностью.

СТАЛИН. Не-по-ко-ле-бимой, Ягода. Другого ответа я от вас и не ожидал. Успехов вам, товарищ Ягода, в этом трудном, но крайней ответственном государственном деле. Хотя, погодите. Чего-то мы с вами недоговорили, чего-то недопоняли. Хочу ещё знать ваше мнение: что мы должны, прежде всего, учитывать в работе с кадрами: убеждения или готовность к максимально активной работе?

ЯГОДА *(в полном замешательстве)*. Наверное, не знаю. Объясните мне, неразумному.

СТАЛИН. Убеждения человека – довольно зыбкая штука, товарищ Ягода. Убеждения могут изменяться под воздействием разных причин. А вот страх... Страх плохо сделать свою работу – величина постоянная. И напоследок ещё один вопрос. Товарищ Ягода, я думал, что за ваши заслуги мы дадим вам звание генерального комиссара безопасности, равного званию маршала. И в качестве премии – квартиру в Кремле. Но последнее время вы стали небрежно работать. Вы знаете, что в Горьковском пединституте завелись террористы?

ЯГОДА. Мы в курсе, товарищ Сталин. Сопляки решили выстрелить во время демонстрации из пистолета. Ну, это же несерьёзно. А вот в их химической лаборатории в принципе можно изготовить бомбу. Вот над этим сейчас работаем. Работаем над более серьёзным умыслом террористов. И ещё... Я снова по поводу Важанова. Коллегия НКВД настаивает на своём предположении, что Важанов скрытый контрреволюционер.

СТАЛИН. Я уже слышал эту байку про камикадзе Важанова. Будто он должен устроить теракт, используя соединение азотной кислоты и глицерина, во время заседания Политбюро, где он сам постоянно и неотлучно присутствует. То есть должен подорвать самого себя. Идите работайте, товарищ Ягода. У вас прорва других, куда более важных, а главное *реальных* дел.

Ягода выходит. Появляется Товстуха.

ТОВСТУХА. Немец прибыл, товарищ Сталин. Гостинец взял. Правда, сначала отбрыкивался. Но ему внушили, что таков закон русского гостеприимства. Ну и, конечно, уловил запах балыка и чёрной икры. Не устоял.

СТАЛИН. Сдался, значит, немец? Ладно, так и быть – проси.

Входит немецкий писатель Эмиль Людвиг (с ним переводчик). Сталин поднимается из-за стола, идёт навстречу. Обмен рукопожатиями. Людвиг оглядывает кабинет.

ЛЮДВИГ (через переводчика). Так вот где делается история.

СТАЛИН. Да, отсюда, из Кремля, всё видится и всё понимается иначе. Чувствуется присутствие какого-то особого духа. Не подпасть под воздействие этого духа невозможно.

Эмиль Людвиг (1881-1948)

ЛЮДВИГ. Вам с вашим религиозным опытом виднее. А можно для примера хотя бы одно дуновение духа в виде мысли?

СТАЛИН. Каждая страна имеет свои особенности, но Россия...

ЛЮДВИГ. Самая особенная?

СТАЛИН. Заметьте, не я это сказал. Но я с вами согласен.

ЛЮДВИГ. В чём же её особая особенность?

СТАЛИН. В размере и в народе. Достоевский назвал русских народом всечеловеческим. То есть способным ужиться с любым другим народом, не стремясь поработить его.

ЛЮДВИГ. И поэтому России можно расширяться бесконечно?

СТАЛИН. И этого я вам не сказал. Но опять-таки согласен. Ибо... ибо это путь к всеобщему миру без народов-господ.

ЛЮДВИГ. Не иллюзия ли это? Не самообман ли?

СТАЛИН. Возможно. Я не настаиваю на развитии этой темы. Будем считать, что мы её вообще не затрагивали.

ЛЮДВИГ. Мне сказали, что от Красноярска до Туруханска езды от станка к станку полтора месяца. Майн готт!

СТАЛИН. Согласен. Майн готт!

ЛЮДВИГ. Говорят, вы там три года совсем мало читали. Не изучали, в отличие от других ссыльных, иностранных языков. Больше ловили рыбу, охотились.

СТАЛИН. В основном капканы ставил. Не полагалось ссыльному иметь ружьё.

ЛЮДВИГ. Скажите, а какое самое сильное впечатление осталось у вас от царской России?

СТАЛИН. Смерть Столыпина. Никому не было жалко этого деятеля. Ни царю, ни правящему классу, ни простому народу. Я сделал из этого свои выводы. Но какие – не скажу.

ЛЮДВИГ. Меня охватывает удивительное ощущение. Мне кажется, что вы никогда не переставали верить в бога.

СТАЛИН. Между прочим, грузины раньше русских приняли православие, чем очень гордятся. Что же касается веры... Если человек благоговееет перед богом, этой непостижимой творческой силой мироздания, значит он должен презирать церковников, которые придумали грандиозному богу примитивное объяснение, чтобы шкурно им пользоваться. И значит человек этот должен редко бывать или вообще не бывать в церкви, а значит, менее других считаться верующим. *(после секундной паузы)* Но и эти слова попрошу в текст беседы не включать.

ЛЮДВИГ *(с отчаянием)*. Но это же самое интересное!

Сталин делает жест, означающий, что так надо.

ЛЮДВИГ. Что вас когда-то толкнуло на оппозиционность, герр Сталин?

СТАЛИН. Духовная семинария, где я учился. Я стал революционером из протеста против издевательского режима и иезуитских методов.

ЛЮДВИГ. Разве вы не признаёте положительных качеств иезуитов?

СТАЛИН. Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе. Но основной их метод – это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство.

ЛЮДВИГ. Многим на Западе кажется, что значительная часть населения Советского Союза испытывает страх перед советской властью. Мне хотелось бы знать, какое душевное состояние создаётся у вас лично при сознании, что для укрепления власти надо внушать страх.

СТАЛИН. Неужели вы думаете, что можно удерживать власть и иметь поддержку миллионных масс благодаря методам запугивания и устрашения? Никогда, ни при каких условиях, наши рабочие не потерпели бы власти одного лица.

ЛЮДВИГ. Но вы сами сказали однажды, что Россия – страна царей. Что русский народ любит, когда во главе государства стоит какой-то один человек.

СТАЛИН. Вы передёргиваете. Дальше я сказал – и этот человек должен выполнять волю коллектива. Например, политбюро.

ЛЮДВИГ. Благодарю вас за гостинец, герр Сталин. Я обязательно угощу копчёной рыбой и икрой своих коллег, немецких писателей и журналистов, когда мы будем пить баварское пиво, когда я буду рассказывать о встрече с вами.

Сталин протягивает Людвигу руку. Людвиг и переводчик выходят. Дверь за ними закрывается.

СТАЛИН. Мелкий взяточник. *(нажимает скрытую кнопку – Паукер появляется мгновенно)* Глаз не спускать с немца. Никаких контактов. Не приведи господь, если узнает, что у нас в Сибири, в Поволжье, на Украине. Головой ответишь. Что дальше по распорядку дня?

ПАУКЕР. Сейчас у вас обед, а потом, перед театром, зубки подлечим у Шапиро.

СТАЛИН. Это правильно, Паукер. Зубастее мне надо быть. Зубастее.

ПАУКЕР *(многозначительно)*. Товарищ Сталин, а ведь они беседуют...

Паукер исчезает за дверью. Сталин подносит к уху трубку подслушивающего устройства.

ГОЛОС *(Зиновьев)*. В общем, или сейчас, или никогда. Сместить его через время будет уже невозможно. Время работает на него...

Неожиданно голос в трубке пропадает.

СТАЛИН. Паукер! *(тот появляется мгновенно)* Звук пропал. Давай сюда чеха.

ПАУКЕР. Так ведь нет чеха.

СТАЛИН. Как нет? Уехал на родину?

ПАУКЕР. Так ведь это же совсекретное устройство. Вдруг разболтал бы.

СТАЛИН. Вы что... его?

ПАУКЕР. Он чистосердечно написал, что сделал это в целях шпионажа.

СТАЛИН *(взрываясь)*. Какого шпионажа? Да ты сам враг, актёришка безмозглый!

Картина 11

Большой театр. Правительственная ложа. Здесь Сталин, Надежда, Паукер, Важанов и Алёна. На сцене – последняя минута оперы «Аида».

...Занавес опускается. Зрители, а это в основном рабочая молодёжь, неистово аплодируют. Неожиданно все другие голоса перекрывает издевательский выкрик.

ВЫКРИК. Ура фараону!

В зале воцаряется жутковатая тишина. Оцепеневшие зрители смотрят на Сталина. Сталин мгновенно находит выход из положения – принимается аплодировать ещё сильнее. И вот уже заходится в овации весь зал.

СТАЛИН *(своему окружению в ложе)*. Я кое-что понимаю в голосах. По-моему, исполнение посредственное, но как хлопают! И не жалко им ладошек. А ведь могли бы не хлопать, а кричать, свистеть. Да, опера сегодня не очень... Разве что марш... Марш победителей хорош! *(Важанову)*. Жду вас, товарищ Важанов, вечером на даче. Паукер пришлёт за вами машину. *(Алёне)* Извините, Алёна, но у нас будет вечерник, то бишь мальчишник. Хорошо, что я увидел вас. Мне стало немного спокойнее за товарища Важанова. Паукер, машину!

Сталин и Надежда, окружённые охранниками, идут к выходу. Важанов и Алёна остаются на своих местах.

АЛЕНА. Что ты решил с письмом?

ВАЖАНОВ *(с заметным притворством)*. Я уже забыл. Хорошо, что напомнила.

АЛЕНА. Ну, напомнила, и что? *(Важанов молчит)* Не вздумай сделать что-нибудь не так. Этим ты ничего не изменишь, а себе и мне сделаешь плохо.

ВАЖАНОВ. Ты права. В таких случаях надо немного и о себе подумать.

АЛЕНА. Ты о спасении души, что ли? Не пытайся, Боря, жить в прошедшем времени.

ВАЖАНОВ. Я тебя не узнаю и не понимаю.

АЛЕНА. Нельзя вести двойную жизнь, Боречка. Я с этим завязываю. А ты зачем-то начинаешь. И при этом о душе думаешь. Так что я тоже тебя не понимаю.

ВАЖАНОВ. Ты заметила, как на тебя смотрела Надежда?

АЛЕНА. А как же? Ревниво смотрела. Не знаю, что на меня нашло. Женщине нравится нравиться.

ВАЖАНОВ. Отчасти я тебя понимаю. Он умеет быть обаятельным.

АЛЕНА. Но ты ведь тоже не мог не заметить: ему это было ни к чему. Но у него насчёт меня какие-то свои планы. Неудивительно: в бюрократии так мало образованных. Именно этого я и боюсь себе испортить – перспективу. А ты почему-то не боишься, хотя твоя перспектива куда шире.

ВАЖАНОВ. Я вот думаю: может, ты и от Смородина ушла, потому что должность помощника Сталина...

АЛЕНА (*прерывает*). Вполне может быть, если тебе так хочется думать. Кто помощник Сталина и кто вождь комсомола. Смородин мог не защитить меня, если бы всплыло, кто мой отец. А ты... точнее, твой хозяин... если бы ты за меня попросил Сталина, он бы тебе не отказал.

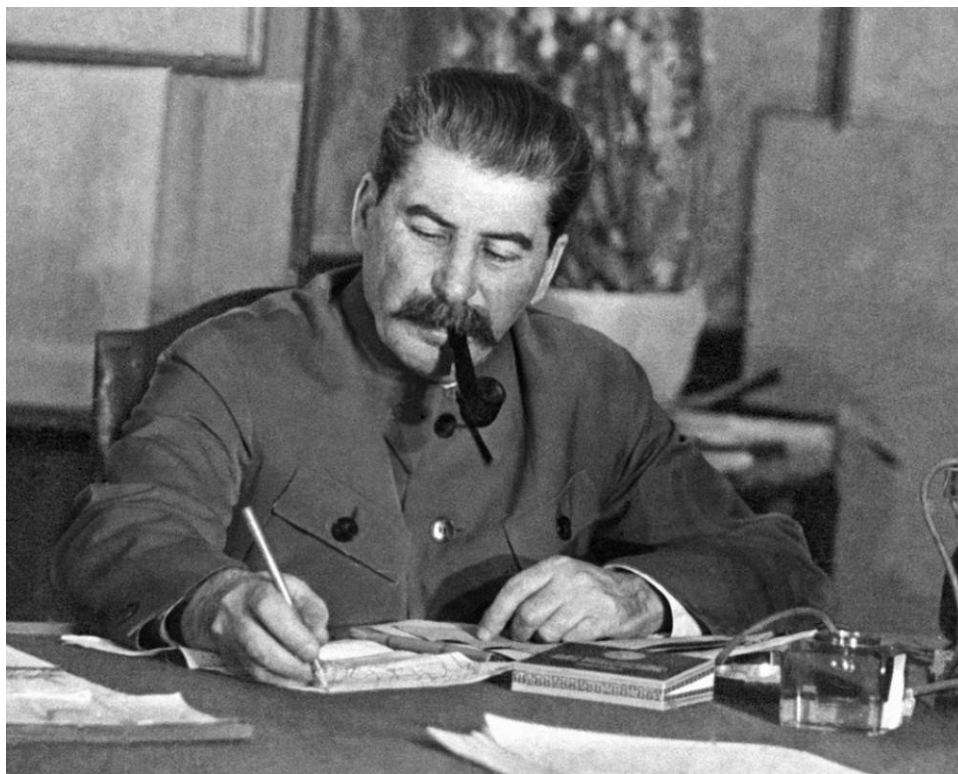
ВАЖАНОВ. Тебе надо бы подумать о другом покровителе. Я буду соскакивать с этого чёртова колеса.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина 12

Дача Сталина. В надетой на голое тело шубе вождь ходит по комнате, пыхтя трубкой. На столе батарея винных бутылок и стакан. Заводит патефон. Ставит пластинку. Зритель слышит задорный голос Кирова.

ГОЛОС КИРОВА. Мы покончили навсегда и бесповоротно с нищетой в деревне, с постоянной угрозой голода, которая при царе и помещиках висела над десятками миллионов крестьян...

Сталин в раздражении сбивает мембрану на конец пластинки. Слышится конец выступления Кирова.

ГОЛОС КИРОВА. Я знаю, что мы будем иметь трудности при практическом проведении намеченной перестройки. Но мы во что бы то ни стало должны это сделать, если хотим работать по-сталински. Я говорю о товарище Сталине потому, что метод его работы – образец для нас всех...

СТАЛИН (*желчно*). Любимец партии, едри твою мать.

С.М. Киров (1886-1934)

Картина 13

Прихожая дачи. Входит Киров. Ему навстречу идёт Надежда, кутаясь по своему обыкновению в шаль. Они тепло здороваются за руку. Киров преподносит Надежде большой букет ромашек.

НАДЕЖДА. Буржуазно, но приятно!

КИРОВ. Рад, что порадовал. Ну, как ты?

НАДЕЖДА. Вспоминаю Тютчева. Живя, умей всё пережить:/печаль и радость и тревогу./ Чего желать, о чём тужить?/ День пережит – и слава богу. Пушкина вспоминаю. Сердце в будущем живёт;/ настоящее уныло; / Всё мгновенно, всё пройдёт. / Что пройдёт, то станет мило.

КИРОВ. Где же наш Коба мог простыть? Сидит с утра до вечера в своих кабинетах. Гуляет мало.

НАДЕЖДА. Вот и я удивляюсь, как он жил в Туруханске целых три года, и уцелел!

КИРОВ. Стальной! Стальной наш Сталин!

Идут к кабинету Сталина. Надежда катит перед собой сервировочный столик, положив на него букет ромашек. Приоткрывает дверь.

НАДЕЖДА. Иосиф, к тебе можно?

СТАЛИН. Можно, только осторожно.

Картина 14

Надежда вкатывает сервировочный столик в кабинет. Киров остаётся в коридоре.

НАДЕЖДА. Да я уж всегда осторожна. Ну, как твоё сибирское средство, помогает? Пропотел?

Сталин издаёт нечленораздельный гортанный звук. Похоже, он крепко выпил.

НАДЕЖДА. Привезла тебе мёду и малинового варенья.

СТАЛИН. Морошки бы.

НАДЕЖДА. И морошки привезла.

СТАЛИН. Надо же! Откуда? (*разглядывает морошку*) Янтарная, болотная морошка. Арктическая малина. Откуда?

НАДЕЖДА. Я ж знаю, что ты ей лечился. Температуру мерил?

СТАЛИН. Температура чуть выше 37, но что ж меня так трясёт? Почему не говоришь, откуда морошка?

НАДЕЖДА. Знакомые геологи привезли.

СТАЛИН. Какие ещё на хрен геологи?

НАДЕЖДА. Только что вернулись из тундры. Бывшие сокурсники Важанова.

СТАЛИН. Не притронусь я к этой морошке. Что ж меня так трясёт? Будто не простуда, а что-то нервное.

НАДЕЖДА. Тогда тебе надо просто поднять настроение.

СТАЛИН. Судя по цветам, Мироныч за дверью, дамский угодник.

Надя открывает дверь, в кабинет врывается Киров.

КИРОВ (*раскрывая объятья*). Коба, брат мой, у меня для тебя приятный сюрприз. Сейчас ты вмиг поправишься.

Обнимая Кирова, Сталин делает Надежде небрежный жест ладонью, мол, выметайся.

Надежда выходит.

Картина 15

Спальня Сталина на даче. Входит Надежда. Берёт шинель, осматривает обшлага. Внимание её привлекает второй, новенький, недавно установленный телефонный аппарат. Она снимает трубку, собираясь кому-то позвонить, но неожиданно слышит в трубке разговор Сталина и Кирова. Слышит и зритель.

ГОЛОС СТАЛИНА. Нет, нет, нет. Пей всё, до дна, тогда сравняешься со мной.

ГОЛОС КИРОВА. Коба, дорогой, как можно хоть в чём-то сравняться с тобой?

ГОЛОС СТАЛИНА. Ладно тебе лукавить. На меня это не действует. Пей! Пей с горла. Давай, давай, до дна.

ГОЛОС КИРОВА. Ох, и хорошо твоё кахетинское!

ГОЛОС СТАЛИНА. Блевать не будешь?

ГОЛОС КИРОВА. Ну, о чём ты, Коба? Когда это большевики блевали?

СТАЛИН. А Роман Малиновский – разве не блевотина? До сих пор не могу понять, как Ильич не разобрался в нём. Столыпин и Малиновский – вот две фигуры, которые многому меня научили. Столыпин – какой надо делать Россию, Малиновский – не верить никогда и никому. Кто меня сдал, кто отправил в последнюю ссылку? Он, сволота!

КИРОВ. погоди, Коба. Давай о политике чуть позже. Давай я всё же доложу тебе, что поручение твоё выполнил. Львову привёз. Она в моей машине. И готова осмотреть твою дачу. Ну и с тобой побеседовать, если пожелаешь. Вылечить тебя.

СТАЛИН. Паукер! (*появляется Паукер*) Слышал?

ПАУКЕР. Так точно!

СТАЛИН. Проведи женщину по даче. Выясни, какие у неё пожелания, Всё исполни.

ПАУКЕР. Будет сделано, товарищ Сталин.

Картина 16

Надежда слушает в кабинете Сталина.

ГОЛОС СТАЛИНА. В чём особенность текущего момента, Мироныч? Особенность момента в том, что, если между нами, большевиками, будет и дальше раздрай, мы слетим со страшным позором. А если будем монолитом, то все склонят перед нами головы, и мы победим – на века. Так что думай и выбирай.

ГОЛОС КИРОВА. Умеешь же ты взять за горло, Коба. (*после паузы*) До меня дошёл слух, что мелкие подразделения перешли на сторону крестьян. Это правда?

СТАЛИН. Ну, так, а кто сейчас в армии? Дети крестьян.

КИРОВ. Аэропланы применяем...

СТАЛИН. Всё это бредни троцкистов. Не применяются аэропланы. А вот паспортную систему вернуть придётся. Нельзя допускать, чтобы классовые враги свободно разъезжали по стране и сеяли смуту.

КИРОВ. Но это же возвращение в царизм.

СТАЛИН. Люди всё поймут правильно, если им объяснять в доверительном тоне.

КИРОВ. А что сегодня произошло у цэка комсомола?

СТАЛИН. Метростроевцы пришли и побросали комсомольские билеты.

КИРОВ. Куда же Смородин смотрел? Много их было?

СТАЛИН. Человек восемьсот. Они, видите ли, работают по колено в воде, а их сверстники, дети чиновников, прожигают жизнь. Кто это прожигает? Мой Васька? Или моя Светка? Или мой приёмный сын Артёмка? Накрутил кто-то комсомольцев. Я ж говорю – по мере продвижения в социализм классовая борьба будет нарастать.

КИРОВ. А чего Молотова не проводил? Всё-таки предсовнаркома...

СТАЛИН. За старых большевиков вздумал вступить. Ленина тут мне цитировал: *(издевательским тоном)* золотой фонд партии, старая гвардия... Всё это слова. А на деле старые маразматики, полные олухи в строительстве социализма. Знают только козырять старыми заслугами. А если разобраться, какие у них заслуги, в чём эти заслуги? Опять одни слова.

Стук в дверь. Появляется Молотов. В каждом его движении оцепенелость и в то же время готовность услужить, внешне сохраняя достоинство.

СТАЛИН *(с усмешкой)*. Садись, Вячек. Выпей, закуси с дороги.

Чувствуется, Молотов в самом деле проголодался. Проворно накладывает себе в тарелку. Наливает вина. Выпивает и начинает закусывать.

КИРОВ. Мужики, пока не забыл. Деликатная и злободневная тема. Я о новых достижениях в области телефонии. Коба, дал бы ты по башке Ягоде. Ну, нельзя так. Скоро он и до тебя доберётся.

МОЛОТОВ. Я точно знаю, что меня слушают. Ну и что? Это не повод для истерики. Чего мне волноваться, если я за собой ничего не числю? Моя партийная совесть чиста. Раньше надо было за голову хвататься. Помнишь, Ленин в 21-м году выступил против фракций внутри партии. Дзержинский начал исполнять. Но некоторые партийцы отказывались давать показания против фракционеров. И что тогда сделал Феликс? Потребовал от политбюро вынести решение, что донос на агитаторов против руководства партии есть долг каждого партийца. И политбюро это решение вынесло. Хорошего в этом мало, но не мы это когда-то начали.

КИРОВ. Ну, да. Ленин и Дзержинский, стало быть, виноваты. На мёртвых валить тоже, знаешь, не есть хорошо. Вязнем мы, мужики. Вязнем!

МОЛОТОВ. Обобщения всегда чреваты.

Молотов В.М. (1890-1986)

КИРОВ. Меня начали пугать слова «интересы партии». Прикрываясь этими интересами, можно оправдать всё, что угодно. Уже доработались... На крестьянство опоры нет. На интеллигенцию – почти нет. На рабочий класс – тоже очень даже частично. Опираемся по сути только на своё понимание подлинных интересов рабочих, которые сами рабочие не понимают, а только когда-нибудь поймут. Ведь это же мистика, мужики. Вдумайтесь! Обладание властью оправдывается не реальным авторитетом партии, а неким политическим пророчеством. Мол, потерпите, в будущем поймёте, что мы были правы и все жертвы оправданны. Самая настоящая мистика!

СТАЛИН. Миронич, тема отвлечённая. Куда важнее решить, как реагировать на выпад группы Рютина? Эта сволота будто не видит наших успехов. Днепрогэс, Магнитка, Турксиб, Кузнецк... Вся страна в великих стройках. Но невозможно добиться окончательной победы социализма, когда в деревнях идёт гражданская война. А в городах что творится... Ударников и стахановцев травят, избивают. В Харькове рабочие Тракторосроя пытались зарубить ударника Марусина. Снова брожения в Закавказье... А Рютин предлагает уступить кулаку. Плюс к тому предлагает свернуть строительство заводов. Вы за это?

КИРОВ. Я не за это. Но я против обвинения Рютина в попытке насильственного свержения нашей власти. Большевики не должны проливать кровь большевиков.

СТАЛИН. А кровь беспартийных, значит, проливать можно? И это не злодейство? Беспартийные крестьяне гибнут и высылаются с семьями, пока мы тут рассусоливаем. А если поставить на Рютине свинцовую точку, все сразу поймут, что с властью нашей шутики шутить вредно.

КИРОВ. Но что скажут старые большевики? Они почти все за Рютина.

СТАЛИН. Откуда такие сведения? Ну, да. Ты ж с ними вась-вась. Они у тебя, где только не устроились на тёплые места. Смотри, не преврати колыбель революции в её морг. Запомни, Миронич: Россия развалится когда-нибудь только от предательства. Это её ахиллесова пята. Причём, предательства самих русских при власти – вот что противно и не-про-сти-тель-но! А что у нас товарищ Молотов помалкивает? Ну да, ведь молчать – безопасно и красиво.

МОЛОТОВ. Коба, ты знаешь, я всеми фибрами за тебя, но кровопускание... В общем, я разрываюсь, Коба.

СТАЛИН. Ну и разрывайся. Только знай: есть заповедь прощать врагам, но нет заповеди прощать друзей.

МОЛОТОВ. Права или не права партия, но это моя партия. А символ партии ты, Коба. Значит, я за тебя.

КИРОВ. Мужики, ну так рассуждать нельзя. Мы всё-таки соратники. Ну и... Я могу быть преданным другом, но не могу быть преданной марионеткой.

СТАЛИН (*наливая Кирову вино*). А кто тебя неволит? Никто. На всё твоя святая воля. Однако пора сделать перерыв. Раз Паукер заглядывает, значит уж он-то точно сюрприз приготовил. (*громко*) Паукер!

Паукер распахивает дверь и впускает трёх молоденьких девиц, которые вкатывают столики, уставленные в два этажа аппетитными кушаньями. Девушки становятся перед Сталиным. Вождь оценивающе разглядывает их. Его внимание привлекает девушка со смеющимися глазами.

СТАЛИН. Ты всегда такая весёлая?

ДЕВУШКА. А чего печалиться-то зря?

СТАЛИН. Как звать?

ДЕВУШКА. Жбычкина я. Валентина. Можно просто Валюшка.

СТАЛИН. Какого года?

ЖБЫЧКИНА. Семнадцатого. Седьмого ноября.

СТАЛИН. Во как!

ЖБЫЧКИНА. Вот так угодили маманька с папанькой новой власти.

СТАЛИН. Замужем, хохотушка?

ЖБЫЧКИНА. Готовлюсь выйти за Ваню Истомина.

СТАЛИН. Не будет Ваня против твоей службы здесь, в звании сержанта НКВД?

ЖБЫЧКИНА. Гордиться должен.

СТАЛИН. Как же приятно с тобой говорить, Валюшка Истомина! (*обращаясь ко всем*) Как там писал Толстой... «Если девице минуло пятнадцать лет и она здорова, ей хочется, чтобы её обнимали, щупали». Но щупать я тебя, Валюшка, не буду, а вот в тугую щёчку чмокну.

ЖБЫЧКИНА (*подставляя щёку*). Ой, неделю умываться не буду.

Сталин целует Жбычкину в щёчку.

СТАЛИН (*негромко ей на ухо*). До меня будешь кушать и после меня.

ЖБЫЧКИНА (*с восторгом*). Хорошо.

СТАЛИН (*громко*). Вот какие женщины нужны нашей стране! А модные сегодня балерины... Не понимаю, чего в них хорошего. Поддержаться не за что.

Возбуждённый Сталин скрывается за ширмой. Паукер – следом. Слышится кряхтение.

СТАЛИН. Ну, как там ведьма?

ПАУКЕР. Ходит по дому с обручем на голове.

СТАЛИН. Покорми её хорошо.

ПАУКЕР. Предлагал – отказывается.

СТАЛИН. Значит, должна работать на голодный желудок. Это ж настоящая ведьма, Паукер.

Сталин появляется одетым. Садится за пианолу. Ему нравится этот послушный инструмент.

СТАЛИН (*Молотову*). Вячек, ты тут единственный, кто может мне подпеть. Русский духовный гимн помнишь? «Коль славен наш господь в Сионе».

Сталин начинает высоким чистым голосом. Молотов берёт октавой ниже. И они поют слаженным дуэтом.

СТАЛИН и М о л о т о в (*поют*). Коль славен наш Господь в Сионе, Не может изъяснить язык. / Велик он в небесах на троне, В былинках на земле велик. / Везде, Господь, везде Ты славен, В ночи, во дни сияньем равен. / Тебя Твой агнец златорунный В себе изображает нам; Псалтырюю мы десятиструнной. Тебе приносим фимиам. / Прими от нас благодаренье, Как благовонное куренье. Ты солнцем смертных освещаешь, Ты любишь, Боже, нас как чад, Ты нас трапезой насыщаешь. И зиждешь нам в Сионе град. / Ты грешных, Боже, посещаешь И плотию Твоей питаешь. О Боже, во твоё селенье Да

внидут наши голоса, И взыдет наше умиление. К тебе, как утрення роса! / Тебе в сердцах алтарь поставим, Тебе, Господь, поём и славим!

Сталин выглядит просветлённым.

СТАЛИН (Молотову). А вот скажи нам, Вячек, какая страна Россия?

МОЛОТОВ. Ты знаешь моё мнение, Коба. Варварская у нас страна. Трудно нам будет в кратчайшие сроки догнать и обогнать передовые нации.

Сталин ставит пластинку. Патефон играет немецкий вариант марша «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». После исполнения первого куплета Сталин ставит другую пластинку – с записью советского варианта марша.

СТАЛИН. Ну и чьё исполнение лучше?

Общее оживление. Все соглашаются, что наш марш лучше.

СТАЛИН (Молотову). Вот тебе ответ на твоё сомнение. (Жбычкиной). Ну что, Валушка? Пелятку-то привезла? В сметане?

ЖБЫЧКИНА. В сливках.

СТАЛИН. Подавай! Эх, до чего ж хороша рыба пелядь... пелятка... И что интересно. Рыболовы говорят, что она хвостом совсем не крутит. Слышишь, Мироныч, даже рыбы есть, которые не крутят хвостом! (замирает, принимает озадаченную позу) А где Надежда? Куда пропала?

Осенённый догадкой, Сталин быстрым шагом идёт к своей спальне. Он буквально врывается в неё. И видит перед собой жену у секретного телефона-прослушки.

Картина 17

СТАЛИН. Аяй!

НАДЕЖДА. Это я тебе должна сказать аяй. Это кого же ты отсюда слушаешь? Не меня же. Шпионишь за своими же соратниками? Красавец! И меня же стыдишь!

СТАЛИН. Как ты смеешь, муха ты зелёная?! Психопатка. Вся в мать.

НАДЕЖДА. Ну, правильно. Разве может нормальная баба отчитывать божество?

СТАЛИН. Слушай, чего ты хочешь? Для чего-то же устраиваешь эту истерику?

НАДЕЖДА. Освободи ребят, Иосиф.

СТАЛИН. Каких на хрен ребят?

НАДЕЖДА. Двое ребят, которые ездили в Сибирь и на Украину, и рассказали мне, что там творится в деревнях. Как там уже начинают есть друг друга. Мы общались втроём – они исчезли, а я на свободе. Хоть вешайся от такого позора.

СТАЛИН. Зачем тебе вешаться? Можно...

НАДЕЖДА. Что, и пистолетик нашли? Чего ж не изъяли? А-а! Решили не мешать? Отпусти ребят, Иосиф, или я точно застрелюсь.

СТАЛИН. Нашла чем испугать. Неблагодарная.

НАДЕЖДА. О, ну как же без этого попрека. Ну, так я человек, а не твоя собачка. Помнится, ты сам однажды назвал благодарность собачей слабостью.

СТАЛИН. Знаешь, почему я на тебе женился?

НАДЕЖДА. Знаю. Ты думал, что я всегда буду за тебя несмотря ни на что. Знаешь, я тоже думала, что мы будем лежать на погосте рядом. Но ты решил, что обычный погост тебя не достоин.

СТАЛИН. Что ты мелешь?

НАДЕЖДА. Неужели ты в самом деле хочешь, чтобы тебя выставили на всеобщее обозрение? Неужели не со мной хочешь в земле лежать, а с Ильичем? Но он не хотел для себя такой участи. Это ты его уложил. А себя хочешь уложить сам. И это проявление гениального ума?

СТАЛИН (*усмехается и продолжает примирительно*). Ладно, Татка, муж и жена одна сатана. Я прямо завтра составлю завещание, чтобы меня ни в коем случае не положили рядом с Ильичем.

НАДЕЖДА. Похорони верховного вождя по-человечески.

СТАЛИН. А вот этого не обещаю.

НАДЕЖДА. Ну, понятно. Племя не поймёт.

СТАЛИН. Ох, Татка, не будь ты моей женой, матерью моих детей...

НАДЕЖДА. Даже не сомневаюсь. Сгноил бы. Ты бы и Ильича сгноил. Бог вовремя его прибрал. И вагон опломбированный подшил бы к делу, и происхождение его вытащил бы на потеху антисемитам на свет божий, и венчание главного безбожника с главной безбожницей Надеждой...

СТАЛИН. Ну, хватит. (*вынимает из ящика стола пистолет*) Я тебя, контру, прямо сейчас...

НАДЕЖДА. Ну, давай. Ну, стреляй, чего у тебя рука-то ходуном ходит? Рад бы, да вдруг даже тебя привлекут? И – тогда конец твоей власти. А ты не бойся. Скажешь, что я сама себя. Тебе поверят. Пусть только кто-нибудь попробует тебе не поверить.

СТАЛИН. Изыди, сатана!

Сталин выходит из кабинета. Появляется Паукер.

ПАУКЕР. Надежда Сергеевна, ну как же так?

НАДЕЖДА. Да вот так, Карл Викторович. Надо бы выпустить ребят. Ради меня.

ПАУКЕР. Нет уже этих ребят, Надежда Сергеевна. Это всё тюремные повара. Кишечная инфекция...

Надежда теряет сознание и падает. Паукер зовёт своих людей. Крепкие чекисты, готовые унести Надежду. Но входит Сталин. Движением руки выгоняет всех. Склоняется над женой. Шлёпает ей ладонью по щекам. Надежда приходит в себя.

СТАЛИН. А ведь ты мне так и не сказала, на кой чёрт в церковь ходишь.

НАДЕЖДА. А ты меня не спрашивал.

СТАЛИН. Ну вот, спрашиваю.

НАДЕЖДА. Как же богу не помолиться, когда на смерть идёшь?

СТАЛИН. Ты о какой смерти разглагольствуешь?

НАДЕЖДА. Каждый аборт – это хождение на смерть.

СТАЛИН. Ну и рожала бы. Разве я против? Я только за.

НАДЕЖДА. Нет! Не дай бог! Плодить уродов...

СТАЛИН. Эй, ты кого считаешь уродами? Васо? Светку?

НАДЕЖДА. Я тебе не «эй». И запомни. Не надо меня кремировать. Не надо замуровывать мой прах в кремлёвскую стену. Похорони меня по-человечески. И мой тебе, тоже человеческий, совет. Если хочешь, чтобы прошла твоя медвежья болезнь, прекрати мучить народ. Тогда и пройдет твой животный страх за свою жизнь.

СТАЛИН (*сплёвывая, направляется к двери*). Пропади ты пропадом, дура!

Картина 18

Киров и Молотов что-то обсуждают. Видно, что оба много выпили. Входят Сталин. Наливает себе полный бокал, выпивает. Киров и Молотов многозначительно переглядываются.

ПАУКЕР. Привезли Важанова, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Введите.

Паукер открывает дверь. Чекисты вводят Важанова.

СТАЛИН. Заходите, Борис. Извините, что не называю вас товарищем.

КИРОВ. Что предпочитаешь, Борис? Вино? Водку?

СТАЛИН. Борис не пьёт. Он будет только закусывать. Можете начать с морошки, Борис.

Важанов набирает полную ложку морошки и отправляет себе в рот. Сталин напряжённо наблюдает. И отправляет в рот свою ложку морошки.

СТАЛИН (*Важанову*). Я вот думаю, как с вами поступить. Ведь вы носитель чувствительной информации. Если вас не устраивает должность первого помощника генсека, давайте сделаем вас секретарём цэка.

ВАЖАНОВ. Я хочу заниматься только наукой и техникой, товарищ Сталин.

СТАЛИН (*как бы благодушно*). Какой вы, однако, тяжёлый человек. Не пьёте, работа наша вам не нравится. Мы делаем поистине великое историческое дело – строим первое в мире народное государство рабочих и крестьян. Считаем великой честью для себя заниматься этим. А вы как бы брезгуете. Наука, техника – это всё отговорка. На самом деле вам просто что-то очень не нравится в нашей работе. Давайте уж выкладывайте. Вдруг мы чего-то не видим, чего-то не понимаем. Помогите нам. И тогда я прямо здесь подпишу вам заявление.

ВАЖАНОВ. Я слышал, в юности вы переписали от руки весь «Капитал».

СТАЛИН. Я ещё живой, а сколько уже придумано. Враки это, Важанов. Я сделал всего лишь краткий конспект. Но давайте предположим, что переписал. Что из этого следует? Вы-то сами читали «Капитал»?

ВАЖАНОВ. Прочёл, с усилием.

СТАЛИН. Ну и что? И что?

ВАЖАНОВ. По Марксу, только рабочие создают ценности и товары, и двигают вперёд экономику. Маркс почему-то ничего не пишет об учёных, изобретателях,

инженерах, организаторах производств, которые работают не руками, а головой. А ведь развитие экономики и улучшение благосостояния людей зависят в первую очередь от мозгов этих интеллигентных людей, это они – соль и совесть нации. Значение рабочих вторично и второстепенно. А как назвал эту соль нации товарищ Ленин? Говно. Идею социализма дала миру интеллигенция, а её называют говном. Разве это правильно?

НАДЕЖДА (*слушает в кабинете Сталина*). Боже, зачем? Ну, как так можно?!

Далее зритель видит Надежду, слушающую разговор Сталина с гостями.

ВАЖАНОВ. Я хорошо помню первый день моей работы у вас в Кремле. Это было 23 августа 1923 года. Обсуждался вопрос о революции в Германии. Решили мобилизовать всех коммунистов немецкого происхождения и говорящих по-немецки и поставить над ними зама Дзержинского Уншлихта. Выделили огромные средства. Через наши представительства в Германии пошли партии оружия. Переворот в Берлине назначили на 9 ноября 1923 года. Красные отряды Уншлихта должны были занять телеграф, вокзалы... Как нам была нужна культура труда немцев, качество их изделий, их военный дух и выучка тоже бы не помешали. Наконец, их кредиты... Но! Немцы не пошли за своим гениальным Марксом и за нашим Уншлихтом. И тогда мне стало ясно – никто не пойдёт в Европе нашим путём. Никто и уже никогда.

Сталин и Киров многозначительно переглядываются. Киров наливает рюмку водки и выпивает одним махом. Сталин размеренными движениями набивает трубку табаком, изображая невозмутимость.

СТАЛИН. Продолжайте, товарищ Важанов, продолжайте.

ВАЖАНОВ. Меня стали интересовать наши перспективы. И мне нужно было понять, на самом ли деле Ленин гениален. Маркс-то для меня точно никакой не гений. Если бы Ленин был здоров, я бы попытался поговорить с ним и удостовериться лично. Но... увы, он уже был разбит параличом. И тогда я пошёл к тем, кому Владимир Ильич мог доверять свои мысли. Не буду называть их фамилии.

СТАЛИН. И не надо. И без того ясно. Это Гляссер и Фотиева.

ВАЖАНОВ. Но они отказывались от откровенного разговора, считая меня вашим человеком. И только потом, много позже, когда поняли, что я ничей...

СТАЛИН. Я начинаю понимать, почему вы совсем не пьёте, Важанов.

КИРОВ. Продолжайте, Борис.

ВАЖАНОВ. Короче, Ленин считал, что мы провалились. Он так и сказал – мы провалились. После стольких лет борьбы за социализм в России он вдруг сделал для себя открытие, что переменить психологию людей и навыки их жизни по щучьему велению не получится. Он так и сказал – по щучьему велению. Далее он сказал: можно, конечно, загонять в новый строй силой, но это значит устроить мясорубку с десятками миллионов жертв... Здесь он, видимо, ставил вопросительный знак. Сомневался, сможет ли он пойти на это. И начал читать...кого бы вы думали? Нет, не Маркса, а Густава Лебена, его книгу «Психология толпы». Что не удивительно. Маркс ничего не писал о психологии крестьян. Он их просто не знал. Как, впрочем, не мог знать и русских рабочих.

СТАЛИН. Важанов, а вы думали, почему в Германии не получилась революция, а в России – получилась? Всё дело – в народе, Важанов. Плевать немцам на мировую революцию. А русским – не плевать. Не пошли немцы на всеевропейскую революцию, потому что она потребовала бы лишений и жертв. А русские не побоялись новых лишений и жертв, хотя жили хуже немцев и положили миллионы в первой мировой. Немцам не нравились их вожди. И русским нравились не все их вожди. Но они пошли за ними.

Потому что сердцем чувствовали, что идея социализма – идея правильная, может быть, единственно правильная.

МОЛОТОВ (*очень эмоционально*). Коба, как ты можешь? Я нне мммогу! Я нне мммогу больше слушать эту ггалиматью! Зачем вы ннам всё это вкручиваете, Вважанов? Чего вы ддобиваетесь?

СТАЛИН. Ты не всё знаешь, Вячек. Вважанов надумал дезертировать. Вот и идёт ва-банк, чтобы наверняка уволили. А если я не подпишу вам заявление, товарищ Вважанов?

ВАЖАНОВ. Но мне, с моими взглядами, нельзя доверять государственные и партийные тайны.

СТАЛИН. Почему нельзя? Что вы с ними сделаете? Ничего вы с ними не сделаете. Нет такой нашей тайны, которая позволила бы нашим врагам уничтожить нас. Нет, Вважанов, такой тайны.

ВАЖАНОВ. Тогда тем более – отпустите меня с богом.

СТАЛИН. Наверно, отпустил бы... Если бы... Паукер, давай сюда ведьму.

Паукер выскальзывает за дверь. Киров что-то шепчет Сталину на ухо. Зритель может услышать, что он просит Сталина не называть Львову ведьмой в её присутствии.

СТАЛИН (*Кирову*). А как её называть?

КИРОВ. Её зовут Наталья.

Паукер пропускает в комнату Львову. Сталин подходит к ней и говорит так, чтобы не слышал Вважанов.

СТАЛИН. Наталья, значит.

ЛЬВОВА (*стараясь держаться с достоинством*) Наталья.

СТАЛИН. Вот что, Наталья. Мы с вами ещё поговорим в более подходящей обстановке. А сейчас скажите мне то, что считаете важным и неотложным, а я скажу вам.

ЛЬВОВА. Товарищ Сталин, прикажите изменить свой год рождения, с 1878-го на 1879-й. Гороскоп – самое слабое место у человека. Гороскоп и глаза. Не смотрите в объектив фотоаппарата и кинокамеры. Это пока всё.

СТАЛИН. А вы снимите порчу с Надежды Сергеевны, если она есть, эта порча. И прочтите мысли (*показывает на Важанова*) вот этого молодого человека.

Львова подходит к Важанову вплотную, смотрит пристально в глаза и делает несколько пассов. Смыкает веки, думает. Или только изображает напряжённое раздумье. Говорит с закрытыми глазами.

ЛЬВОВА. Молодой человек чего-то очень сильно боится. Он определённо что-то скрывает. Но настроен очень решительно.

СТАЛИН. Можно конкретнее? Что он скрывает?

ЛЬВОВА. Возможно, у него что-то в кармане пиджака.

СТАЛИН. Паукер!

ВАЖАНОВ. Я сам.

Важанов вынимает из кармана конверт. Передаёт Паукеру. По движению руки Сталина передаёт конверт ему. Сталин вынимает фотографии голодающих Саратова. Рассматривает.

СТАЛИН. Закрутились вы сегодня, Важанов. Забыли зарегистрировать, так? Не специально же вы подставили Алёну Смородину. Было ещё одно письмо, тоже очень интересное. Оно могло отвлечь все ваши мысли, вызвать рассеянность. Или меня не хотели расстраивать. Не знаю, чем ещё можно вас оправдать. Привык я к вам, Важанов. Не хочется вас терять. Не вижу никого, кто мог бы так разгружать меня, как это делали вы. (*Кирову*) Он удивительно угадывал мои мысли по любой проблеме, по любому вопросу. Практически все проекты решений политбюро написаны им. Начал с того, что предложил новую редакцию устава партии. Сделал то, до чего даже Ильич не додумался. Помог с помощью нового устава укрепить партию. И вот – на тебе, как кончает!

МОЛОТОВ. Если даже он передумает, как можно его оставлять?

Сталин мимикой приказывает Паукеру вывести Важанова, что тот и делает. Сталин наливает себе вина, выпивает. Наливает ещё, выпивает. Снова наливает, но сам себя останавливает.

СТАЛИН. Хватит. Но что делать? (*Все молчат*)

Входит Паукер.

ПАУКЕР. Товарищ Сталин, не желаете поговорить со Смородиной?

СТАЛИН. Она здесь?

ПАУКЕР. Она доставлена на всякий случай.

Картина 19

Сталин и Паукер в коридоре.

ПАУКЕР. Она дочь директора Путиловского военного завода генерала Андреева. Он сбежал в девятнадцатом к Деникину и был убит. Обстоятельства смерти неизвестны. Мать Алёны сошла с ума. Девчонке тогда было четырнадцать лет. Каким-то образом познакомилась с местными комсомольцами. Потом вместе с ними поехала в Москву на съезд. Там её заметил Смородин. А когда спуталась с Важановым, заметил и я. У

девочки ярко выраженный авантюрный характер и в то же время панический страх, что мы узнаем о её происхождении. Идеальное сочетание.

СТАЛИН. Поговори с ней сам, а я послушаю. Я буду у себя в спальне.

ПАУКЕР. Понял, товарищ Сталин. Моя задача?

СТАЛИН. Пусть скажет всё, что думает о Важанове. Знаешь такую закономерность: когда человек рассказывает о ком-то, он рассказывает о себе?

ПАУКЕР (озадаченно). Будет исполнено.

Картина 20

Чекисты вводят Алёну Смородину в небольшую комнату, где её ждёт Паукер.

ПАУКЕР. Я тебя предупреждал – подведёт он тебя под монастырь. Как думаешь, зачем ему понадобилось это письмо?

АЛЕНА. Наверно, хотел предать гласности.

ПАУКЕР. Каким образом?

АЛЕНА. Мог передать той же Нэнси Астор. Она падкая на сенсации.

ПАУКЕР. Почему ж не передал?

АЛЕНА. Ну, это только он сам может объяснить. Я вас предупреждала, что у Бориса появился антибольшевистский душок. Вы не поверили.

ПАУКЕР (*со страхом, в смятении*). В это время ты его к кому-то ревновала.

АЛЕНА. Он то и дело говорил «наш советский бардак», «наш советский дурдом», «наш советский бордель».

ПАУКЕР. Но в то же время он повторял, что у нас самая народная власть за всю историю.

АЛЕНА. Но с какой интонацией он это повторял!

ПАУКЕР. Он презирает народ?

АЛЕНА. Он вошёл в роль Сталина.

ПАУКЕР. Ты что несёшь?

АЛЕНА. Он говорил, что, когда документы и пишет проекты решений политбюро, то в него вселяется дух Сталина, и потом он долго не может вернуться к самому себе.

ПАУКЕР. Бред какой-то! Хотя у нас теперь есть ведьма, она проверит.

Дверь открывается, входит Сталин. Паукер и Алёна вскакивают со стульев.

СТАЛИН (*Алёне*). А какие у Важанова конкретные претензии к народу, он не говорил?

АЛЕНА. Сейчас припомню дословно. Построили фабрику – нет сырья. Купили на западе трактор – пока учились на нём работать, сломали, а запчастей нет. Обобществили скот – он передох от скверного ухода. Привезли из заграницы породистых свиней – они передохли из-за антисанитарии. Произвели кучу товара – невозможно продать из-за низкого качества. Борис говорил: каков народ, таков и социализм. Каков народ, таков и капитализм. Обобщал, короче.

СТАЛИН. То есть, по Важанову, наш народ не годится для социализма?

АЛЕНА. Он считает, что наша идеология и технология власти не улучшают, а только ухудшают отрицательные качества народа. Это его слова.

СТАЛИН. Это он говорил, когда бывал в моей шкуре?

АЛЕНА. Когда бывал в вашем образе, товарищ Сталин.

СТАЛИН (*Паукеру*). Не будем привлекать ведьму. И без неё всё ясно. Хотя... разве что потехи ради. Приведи её сюда вместе с Важановым.

Паукер выходит.

СТАЛИН. Не пойму я, Алёна, как вы относитесь к Важанову. Вы ж сдаёте его с потрохами. И в то же время нежничаете, спите с ним.

АЛЕНА. Видно, одно другому не мешает, товарищ Сталин. Катехизис революционера въелся, вошёл в обмен веществ.

СТАЛИН. А если мы серьёзно накажем Важанова? Как вы к этому отнесётесь?

АЛЕНА. Только не убивайте. Буду ждать.

Паукер вводит Важанова и Львову.

СТАЛИН (*Важанову*). Важанов, представьте, что вы – это я. Как вы это обычно делали раньше, сделайте сейчас. Сколько вам нужно для этого времени?

ВАЖАНОВ. Нисколько. Хотя... Для верности... Минута.

СТАЛИН. Тогда начинайте. (*Львовой*) А вы, Наталья, сравните нас и сделайте свой вывод.

Все напряжённо ждут, когда Важанов закончит свою медитацию.

ВАЖАНОВ. Я готов.

По знаку Сталина Львова изучает пассами состояние Важанова. Затем переходит к Сталину, но делает пассы гораздо деликатней. Сталин ждёт её выводов.

ЛЬВОВА. Ваши энергетические поля очень похожи, практически одинаковы. Хотя общая энергетика у вас, товарищ Сталин, гораздо сильнее.

СТАЛИН. О чём это говорит?

ЛЬВОВА. Это говорит о том, что ваши эмоциональные реакции и мыслительные процессы могут быть одинаковыми.

СТАЛИН. Почему я должен вам верить? Важанов, придумайте что-нибудь более убедительное.

ВАЖАНОВ. Сегодня английская журналистка Нэнси Астор сказала мне, что хотела бы задать вам всего один вопрос. Когда вождь Сталин перестанет убивать людей? Я сказал, что передам вам этот вопрос. Но сам при этом подумал, как бы ответили вы.

СТАЛИН. И что же вы за меня надумали?

ВАЖАНОВ. Я могу написать этот гипотетический ответ на листке бумаги. А вы напишете ваш ответ.

СТАЛИН. Толковое решение вопроса.

Сталин берёт карандаш и пишет на листке бумаги. Паукер даёт Важанову листок бумаги и карандаш. Важанов пишет.

Сталин даёт свой листок бумаги Львовой.

СТАЛИН. Прочтите.

ЛЬВОВА. Когда в этом отпадёт необходимость.

Львова берёт листок у Важанова. Читает про себя. Не может скрыть изумления.

СТАЛИН. Вслух!

ЛЬВОВА. Когда в этом не будет необходимости.

Сталин прохаживается туда-сюда. Раскуривает трубку. Усмехается.

СТАЛИН. Вам удалось удивить меня, Важанов. Хотя, как я теперь понимаю, особенно удивляться нечему. Точнее, удивляться надо было раньше. Но я хотел бы закрепить своё впечатление. Скажите, о чём я подумал, когда узнал о террористическомговоре студентов Горьковского пединститута?

ВАЖАНОВ (*не задумываясь*). Они собирались выступить во время первомайской демонстрации. Я бы на вашем месте подумал: если военные вздумают устроить путч, они выступят во время первомайского парада, когда вводится в Москву тяжёлая техника и большая масса войск.

Поза и мимика Сталина говорят о том, что Важанов попал в точку.

СТАЛИН. Давайте теперь я сам попробую угадать, что у вас сейчас в голове. Напишите. И я напишу.

Важанов быстро пишет. Пишет и Сталин.

СТАЛИН (*Львовой*). Прочтите сначала мою запись, Наталья.

ЛЬВОВА (*читает*). А что было бы со мной, если бы я столько лет отработал со Сталиным?

СТАЛИН. А теперь его запись.

ЛЬВОВА. Если бы товарищ Сталин представил себя на моём месте...

СТАЛИН (*прерывает*). Ясно. Все вышли, кроме Важанова.

СТАЛИН. Я понимаю, Важанов, вы расклеились после моего решения насчёт Рютина. А если политбюро вынесет решение не подводить его под высшую меру? Скорее всего, так и будет! Что тогда?

ВАЖАНОВ. Всё равно впереди неизбежны большие чистки, как вы выражаетесь, отсечения. Я это чувствую, когда залезаю в вашу шкуру. Но я не могу в этом участвовать. Это не по мне, это не для меня. Отпустите меня с богом.

СТАЛИН (*с раздражением*). С богом, говорите... Хорошая формулировка. А что делать с царским фондом?

ВАЖАНОВ. Американцы не пойдут на восстановление дипломатических отношений просто так. Они будут требовать выплаты долга царской России, хотя именно Россия внесла в тринадцатом году самый большой вклад в создание Федеральной резервной системы США. Что-то около 80 процентов. Это крайней запутанная финансовая коллизия, которую можно разрешить только одним путём – навсегда закрыть глаза на все российские активы за рубежом. Именно этого будет добиваться Рузвельт.

СТАЛИН. Ясно, что эта ваша научная работа – всего лишь прикрытие. Будете сбегать, Важанов?

ВАЖАНОВ. Так ведь не дадите свободно уехать.

СТАЛИН (*Паужеру*). Что будем делать с Важановым?

ПАУКЕР. Позвольте добавить, товарищ Сталин? С предателем Важановым! Был как бы не совсем наш, а стал совсем чужой. К тому же, начинён секретами, как динамитом. Его же слова! Своими ушами слышал, как он Алёне говорил. (*Алёне*) Говорил?

АЛЕНА. Говорил. Но это правда. Начинён.

ПАУКЕР. Разрешите арестовать Важанова, товарищ Сталин?

Сталин смотрит на Алёну.

СТАЛИН. А что скажет девушка предателя?

АЛЕНА. Товарищ Сталин, нельзя арестовывать.

СТАЛИН. Это по каким же соображениям?

АЛЕНА. Вы поймёте это, когда прочтёте запись разговора Важанова с американцем Дэвисом.

СТАЛИН. Что там?

АЛЕНА. Они не пойдут ни на какие контакты, если Важанов будет репрессирован.

СТАЛИН. Значит, он их давний агент.

АЛЕНА. Товарищ Сталин, он не агент, но как только будет арестован, автоматически превратится в агента.

Сталин тяжело задумывается. Движением руки велит Паукеру уgomониться.

СТАЛИН. Что ж, если будете сбегать Важанов – будем вас ловить.

Сталин подходит к патефону, берёт наугад пластинку.

СТАЛИН (*читает надпись на пластинке*). Аплодисменты после речи товарища Сталина. Паукер, это что же – одни аплодисменты? И ни одного моего слова?

ПАУКЕР. Так точно, товарищ Сталин. Люди слушают стоя.

СТАЛИН. И покупают такие пластинники?

ПАУКЕР (*неуверенно*). Так ведь для чего выпускаются? Чтобы покупатели слушали.

СТАЛИН. По-моему, это перебор. Как вы думаете, Важанов? Или вы думаете о чём-то другом?

ВАЖАНОВ. Я думаю сейчас о ваших пяти побегах. Вас ведь тоже ловили, а вы снова сбегали. Так что мне нетрудно будет привыкнуть.

Занавес

ГОЛОС РЕЖИССЁРА СПЕКТАКЛЯ. 9 ноября 1932-го года Надежда Аллилуева будет обнаружена утром мёртвой, с пулей от браунинга – то ли в груди, то ли в виске. На этот счёт сведения разнятся, поскольку высокопоставленный супруг запретил проводить следствие. Предположения, что именно он довёл жену до самоубийства, так и не превратятся в материалы уголовного дела.

Алёна вернётся к Петру Смородину, который выслужится до секретаря Ленинградского обкома и будет расстрелян в 1937 году. Окажется в подвалах Лубянки и Алёна. Выйти оттуда живой у неё не получится.

Борис Важанов (*в реальной жизни Борис Бажанов*) избежит этой участи. В результате хитроумной комбинации он сбежит из СССР, перейдя границу с Персией (*Ираном*). Сталин устроит грандиозную погоню. Но тщетно. Бажанову удастся перехитрить вождя и получить убежище во Франции.

Об авторе

Ерёмин Виталий Аркадьевич

Автор книг «Фунт лиха», «Щенки», «Крымская лихорадка», «Сукино болото», «Магистр», «Страдалки», «Лай» и др.

Автор пьес «Реабилитация Мазарини», «Крест и скальпель», «Любимый вождь нашего племени», «Двое и ещё четверо», «Страдалки, или Конкурс красоты в женской колонии особого режима».

Тексты есть в Интернете.

*Наша благодарность и признательность за фотографии некоторых действующих лиц пьесы
(источники –сетевые порталы, Википедия)*